П. Б. Аксельродъ.

РАБОЧІЙ КЛАССЪ
и
революціонное движеніе въ Россіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

М. Панина.

Съ предисловіемъ автора.

Библіотека
„Общественной Пользы"
Серія II. № 31.

Библіотека „Общественной Пользы“.

Серія I:

Масловъ. Аграрный вопросъ изд. III	Ц. 2 р. 50
Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи .	» 1 » —
Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій, т. I.	» 2 » —
» » » » » т. II.	» 2 » —
Іоллосъ. Письма изъ Берлина	» 2 » —
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація	» 2 » —
Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня	» 2 » —
Корниловъ А.—Очерки по ист. обществ. движенія и крест. дѣла въ Россіи	» 2 » —
Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія . .	» 1 » 50
Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость .	» 1 » 50
Скалонъ В. По земскимъ вопросамъ, т. I.	» 1 » 50
Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность . .	» 2 » 50
Бургэнъ М. Современныя социалист. ученія и экономическая эволюція. Пер. съ франц. . . .	» 2 » 50
Политическіе памфлеты. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисл. Н. Кудрина	» 1 » 60
Вейль Ж. Исторія соціальнаго движенія во Франціи 1852—1906 г.	» 1 » 80
Хилкуитъ М. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ	» — » 75
Конштэдтъ. Аграрный вопросъ въ германск. соціал-демократіи	» — » 75
„Соціализмъ въ Англіи“, сборн. ст. англійск. соціалистовъ, составл. **С. Веббомъ**	» 1 » —
Милюковъ П. „Годъ борьбы“. Публицистич. хроника 1905—1906 г.	» 2 » —
Ренэ Штурмъ. Бюджетъ, со статьей Фридмана: Наше законодат. о бюджетѣ.	» 2 » —

Печатаются.

Письма К. Маркса, Ф. Энгельса, Дитцгена и др., къ Зорге и др. Пер. подъ ред. и съ предисл. **П. Б. Аксельрода**.

Поль Луи. Государство и рабочій.

Луи Бланъ. Исторія французской революціи 1848 г.

Полянскій, М. Н. О свободѣ рабочихъ коалицій.

Зелигманъ. Основанія политической экономіи.

П. Б. Аксельродъ.

РАБОЧІЙ КЛАССЪ
и
революціонное движеніе въ Россіи.

Переводъ съ нѣмецкаго

М. Панина.

Съ предисловіемъ автора.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Автору было предложено перевести печатаемыя ниже статьи на русскій языкъ. Первая изъ этихъ пяти статей, «Политическое пробужденіе русскихъ рабочихъ», была напечатана въ «Neue Zeit», въ мартѣ и апрѣлѣ 1892 г. въ 28, 29, 30 №№ этого журнала. Вторая, «Революціонныя силы Россіи прежде и теперь», была напечатана тамъ же, въ маѣ 1895 г. въ 35 № журнала. Третья, «Международная охрана труда и русское самодержавіе», взята изъ протоколовъ Международнаго конгресса по охранѣ труда, состоявшагося въ Цюрихѣ, въ 1897 г. По краткости предоставленнаго ему времени, авторъ успѣлъ лишь прочитать проектъ резолюціи и вступительныя замѣчанія своей рѣчи. Но по постановленію конгресса рѣчь была внесена въ протоколъ. Появилась она также и въ «Neue Zeit». Наконецъ, четвертая и пятая статьи, «Сергѣй Кравчинскій» и «Петръ Лавровъ», появились обѣ въ вѣнской соціалъ-демократической газетѣ, «Arbeiter Zeitung»,—первая въ 1896 г., вторая въ 1900 г.

Объ упомянутомъ конгрессѣ по охранѣ труда нелишне сказать нѣсколько словъ. Онъ былъ созванъ по иниціативѣ швейцарской соціалъ-демократіи совмѣстно

*

съ представителями католическихъ союзовъ въ Швейцаріи. Послѣдніе, мимоходомъ сказать, не играютъ тамъ такой сознательно реакціонной роли, какъ ультрамонтаны другихъ странъ, напримѣръ, Австріи или Германіи, нѣсколько искреннѣе и серьезнѣе относясь къ нуждамъ рабочаго класса. На конгрессѣ были представлены всѣ партіи, по тѣмъ или инымъ мотивамъ и соображеніямъ заинтересованныя въ развитіи рабочаго законодательства,—начиная отъ представителей германской соціалъ-демократіи, Бебеля и Цеткинъ, или австрійской,—Виктора Адлера, и кончая такими вождями швейцарскаго ультрамонтанства, какъ Декуртинсъ. Содержаніе и тонъ рѣчи, произнесенной авторомъ на этомъ конгрессѣ, естественно, объясняются самымъ его характеромъ и составомъ.

Всѣ статьи, по своему содержанію, могутъ быть объединены подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи».

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Какими крохотными, просто микроскопически ничтожными должны казаться въ ослѣпительно-яркомъ свѣтѣ недавно пережитыхъ революціонныхъ событій тѣ факты, на основаніи которыхъ приходилось въ началѣ 90-ыхъ годовъ констатировать «политическое пробужденіе русскихъ рабочихъ»! По своему внѣшнему размаху и непосредственному политическому значенію, они совершенно несоизмѣримы съ героическими массовыми выступленіями нашего пролетаріата, ознаменовавшими первый, истекшій уже, періодъ россійской революціи. Въ настоящій моментъ можетъ показаться чрезвычайно странной, даже прямо легкомысленной оцѣнка, сдѣланная въ первой изъ предлагаемыхъ здѣсь статей, такому, по нынѣшнимъ временамъ, незначительному факту, какъ празднованіе нѣсколькими десятками или хотя бы и сотней петербургскихъ рабочихъ 1-го мая въ 1891 г. Но самая несоизмѣримость его и другихъ тогдашнихъ проявленій политической сознательности среди передовыхъ единицъ русскаго пролетаріата съ современными проявленіями его исторической активности, указывая на безконечно громадное разстояніе, пройденное имъ въ своемъ поступательномъ движеніи

за послѣдніе $1^1/_2$ десятка лѣтъ, тѣмъ самымъ рѣзко, отчетливо и ярко подчеркиваютъ и подтверждаютъ справедливость того, что сказано въ упомянутой статьѣ о симптоматическомъ значеніи отмѣченныхъ явленій и фактовъ.

Первомайское собраніе петербургскихъ рабочихъ (1891 г.) и рѣчи ихъ ораторовъ на немъ характеризуются въ этой статьѣ, какъ предвѣстники приближенія «рѣшительнаго поворота въ освободительной борьбѣ Россіи противъ оковъ азіатскаго абсолютизма». 15 лѣтъ назадъ слова эти должны были вызывать высокомѣрную улыбку на устахъ очень многихъ интеллигентовъ не только либеральнаго, но и архиреволюціоннаго образа мыслей. Въ то время едва-ли многіе даже изъ той молодежи, которая уже начала тяготѣть къ марксизму, склонны были придавать первымъ проблескамъ умственной и политической жизни среди крайне малочисленной элиты нашего пролетаріата такое значеніе, какъ группа «Осв. Труда» [1]). Теперь и въ средѣ наиболѣе ослѣпленныхъ предразсудками и враждой противъ соціалъ-демократіи изъ либерально-демократическаго лагеря только какой-нибудь отъявленный чудакъ станетъ отрицать, что факты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, въ самомъ дѣлѣ знаменовали собою «политическое пробужденіе русскихъ рабочихъ» и явились «предвѣстниками рѣшительнаго поворота» въ нашемъ революціонномъ движеніи.

---

[1]) См. предисловіе Плеханова къ рѣчамъ ораторовъ первомайскаго собранія 1891 г. въ Петербургѣ. Рѣчи эти появились въ печати весной 1892 г.—около того же времени, когда моя статья печаталась въ „Neue Zeit“.

Прошло, однако, еще около пяти лѣтъ, прежде, чѣмъ поворотъ этотъ дѣйствительно наступилъ и достаточно отчетливо началъ выступать наружу въ крупныхъ, всякому наблюдателю русской жизни бросающихся въ глаза событіяхъ. А въ этотъ промежутокъ времени Россія пережила такое всенародное бѣдствіе, какъ голодъ 1891—92 гг., который, будучи продуктомъ стараго режима, воочію обнаружилъ, съ одной стороны совершенную несовмѣстимость существованія послѣдняго съ удовлетвореніемъ самыхъ элементарныхъ, наиболѣе насущныхъ интересовъ и потребностей страны, а съ другой—безсиліе «общества» и народа избавиться отъ этого источника «всероссійскаго разоренія» и тормоза для «нормальнаго» (въ буржуазно-капиталистическомъ смыслѣ) экономическаго развитія Россіи. И послѣ этого бѣдствія на поверхности нашей общественной жизни не замѣтно было даже признаковъ хотя бы подобія революціонной бури или даже политическаго вѣтерка. Грубая сила торжествующей реакціи по-прежнему безнаказанно душила живыя силы народа, не встрѣчая ни откуда сколько-нибудь внушительнаго отпора. И, только внимательно наблюдая за подземной революціонной работой безсознательныхъ историческихъ силъ, возможно было подмѣчать и констатировать наличность революціоннаго историческаго процесса и его неуклонное движеніе впередъ. О русскомъ революціонномъ движеніи можно было тогда говорить лишь или, главнымъ образомъ, какъ о безсознательномъ историческомъ процессѣ, вырабатывающемъ сознательныя революціонныя силы и подготовляющемъ почву и необходимую общественную атмосферу для ихъ выступленія на арену исторіи. Объ этомъ именно процессѣ,

объ его главныхъ движущихъ силахъ и его внѣшнихъ проявленіяхъ и идетъ рѣчь во второй статьѣ: «Революціонныя силы прежде и теперь».

Когда я писалъ эту статью (весной 1895 г.), я не подозрѣвалъ, что моментъ выступленія этихъ силъ такъ близокъ. Зима 1895—96 гг. ознаменовалась событіями, открывшими собою начало новаго «многообѣщающаго» періода въ русскомъ революціонномъ движеніи. Я имѣю въ виду крупное стачечное движеніе среди петербургскихъ рабочихъ, активную, руководящую роль въ нихъ соціалъ-демократовъ и образованіе Петербургскаго Союза освобожденія рабочаго класса, положившаго начало сѣти подобныхъ же соціалъ-демократическихъ, революціонно-активныхъ, организацій во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ рабочаго населенія неокраинной Россіи. И посланные этими организаціями на лондонскій международный конгрессъ (лѣтомъ 1896 г.) делегаты съ полнымъ правомъ засѣдали тамъ, въ качествѣ представителей начавшихъ борьбу за свое освобожденіе русскихъ рабочихъ.

Нелишнимъ считаю отмѣтить здѣсь, что подъ впечатлѣніемъ грандіозной стачки петербургскихъ ткачей (въ маѣ 1896 г.) лондонскій конгрессъ принялъ предложенную швейцарской делегаціей резолюцію, привѣтствовавшую россійскій пролетаріатъ, какъ новаго члена международной арміи борющагося за свое освобожденіе рабочаго класса и какъ главнаго борца за освобожденіе Россіи отъ политическаго рабства.

Укоренившееся на западѣ со времени торжества реакціи у насъ скептическое отношеніе къ русскому революціонному движенію и его силамъ все же про

должало тамъ господствовать и послѣ того, какъ русскій пролетаріатъ выступилъ на арену исторической активности. Такъ какъ наше рабочее движеніе не приняло тогда ярко политическаго характера и не успѣло еще съ достаточной ясностью проявить свое революціонизирующее вліяніе на прогрессивные элементы другихъ общественныхъ слоевъ, то политическое значеніе его въ общемъ и цѣломъ игнорировалось на западѣ не только либеральной буржуазіей, но и международной соціалъ-демократіей. Вожди международной соціалъ-демократіи проникнуты были убѣжденіемъ, что и у насъ пролетаріатъ—какъ это было на западѣ—не будетъ и не можетъ играть самостоятельной роли въ борьбѣ противъ абсолютизма и что только либеральная и демократическая буржуазія способна вовлечь массы въ эту борьбу. А такъ какъ эта буржуазія терпѣливо переносила всѣ удары реакціи и не выступала открыто противъ произвола самодержавнаго правительства, то наши западные товарищи и не считались съ нашимъ освободительнымъ движеніемъ, какъ съ серьезнымъ историческимъ факторомъ. Противъ этого-то пессимистическаго отношенія къ русскому революціонному движенію, противъ отношенія къ нему, какъ къ величинѣ, не заслуживающей вниманія, и направлена была моя рѣчь на цюрихскомъ конгрессѣ въ пользу «международной охраны рабочихъ». Я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ въ виду указать соціалистическимъ и радикально-демократическимъ членамъ конгресса на чрезвычайную важность, съ точки зрѣнія не только интересовъ нашего движенія, но и той специальной цѣли, которую преслѣдовалъ конгрессъ, давленія общественнаго мнѣнія западной демократіи на интернаціональную

политику государственной власти въ капиталистическихъ странахъ въ духѣ, благопріятномъ нашему освободительному движенію и враждебномъ нашему самодержавному режиму. Разумѣется, мнѣ пришлось при этомъ держаться тѣсныхъ рамокъ программы конгресса и считаться съ его разнокалибернымъ составомъ.

Статьи о Лавровѣ и Кравчинскомъ не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ.

Политическое пробужденіе русскихъ рабочихъ и ихъ первомайскій праздникъ 1891 года.

I.

Каждый фактъ, который можетъ быть истолкованъ, какъ проявленіе политической жизни въ высшихъ классахъ Россіи, тщательно регистрируется демократической прессой другихъ государствъ и прокламируется, какъ симптомъ близкаго паденія царизма. При этомъ переоцѣниваютъ какъ численную силу общественныхъ слоевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ и интенсивности ихъ оппозиціонныхъ стремленій. Съ другой стороны, упускаютъ изъ виду, что эти элементы до тѣхъ поръ не вступятъ въ серьезную борьбу съ абсолютизмомъ, пока у нихъ не будетъ необходимой для нея твердой опоры въ народныхъ массахъ. Составить же такую опору для этой борьбы могутъ, главнымъ образомъ, лишь рабочіе въ городскихъ центрахъ. А между тѣмъ именно многочисленные признаки совершающагося переворота въ мысляхъ и чувствахъ нашего рабочаго класса западноевропейской прессой оставлялись до сихъ поръ почти безъ всякаго вниманія.

Мы, съ своей стороны, намѣрены, поэтому, привести читателю нѣкоторые факты, по которымъ онъ сможетъ составить себѣ понятіе, если не о размѣрахъ, то, по крайней мѣрѣ, о глубинѣ и интенсивности этого процесса. Онъ долженъ будетъ признать, что элита русскаго пролетаріата уже точно такъ же мыслитъ и чувствуетъ, какъ и передовые рабочіе Германіи, Австріи или Франціи, что она, однимъ словомъ, стоитъ въ общемъ и цѣломъ на почвѣ интернаціональной соціалъ-демократіи.

Въ началѣ новѣйшаго революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. вначалѣ шестидесятыхъ годовъ, у насъ едва еще могла быть рѣчь о рабочемъ классѣ съ самостоятельными соціально-политическими интересами и стремленіями. Пролетаріатъ скрывался, если можно такъ выразиться, въ порахъ общества, онъ составлялъ неотдѣлившуюся еще отъ общей крестьянской массы часть соціальнаго тѣла. Этимъ и объясняются исключительно крестьянскія симпатіи нашей демократіи. Симпатіи эти питались какъ подавляющимъ численнымъ преобладаніемъ сельскаго населенія, такъ и живыми воспоминаніями о несказанныхъ страданіяхъ, которыя оно вынуждено было терпѣть въ теченіе столѣтій, а еще больше его современнымъ тяжелымъ положеніемъ, созданнымъ условіями такъ называемаго освобожденія крестьянъ и процессомъ вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ. Присоедините еще къ этому развивающуюся въ рядахъ нашей радикальной демократіи подъ вліяніемъ утопическаго соціализма идеализацію великорусской крестьянской общины, какъ предназначенной исторіей соціально-экономической основы для водворенія въ Россіи соціалистическаго царства,

всеобщаго равенства и братства,—и вы легко поймете, почему и какимъ образомъ русская революціонная «интеллигенція» могла объявить сельское населеніе нашимъ единственнымъ дѣйствительно революціоннымъ классомъ.

Правда, въ теченіе шестидесятыхъ годовъ уже выдѣлились пролетарскіе элементы съ особыми интересами. Уже въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ можно было бы констатировать наличность рабочаго класса въ Россіи. Но наша демократія не замѣчала—не говоря уже объ оцѣнкѣ его значенія—того *процесса разложенія*, который вносился экономическимъ развитіемъ въ составъ и условія жизни народа. Какъ непосредственно послѣ освобожденія крестьянъ, для нашей крайней демократіи и въ семидесятыхъ годахъ не существовало «народа» внѣ крестьянскаго сословія. «Въ народъ!»—былъ ея пароль двадцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ пароль главнымъ образомъ и характеризуетъ *наше революціонное* движеніе въ семидесятыхъ годахъ. Пропаганда и агитація въ деревнѣ, сосредоточеніе всѣхъ силъ на подготовкѣ всеобщаго крестьянскаго возстанія—вотъ что должно было составить цѣль и содержаніе революціонной дѣятельности. Рабочіе, въ лучшемъ случаѣ, разсматривались, какъ «народъ» низшаго типа. А если студенты и кое-какіе революціонеры-практики и удѣляли время пропагандѣ среди городскихъ рабочихъ, то эта пропаганда не считалась самоцѣлью, она велась не съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата, а съ точки зрѣнія интересовъ аграрнаго движенія—для выработки крестьянскихъ агитаторовъ.

Ясно, что такая пропаганда не была приспособлена къ тому, чтобы вызвать самостоятельное движеніе въ

рабочемъ классѣ. Несмотря однако на то, что наша демократическая интеллигенція относилась къ рабочимъ, вродѣ того, какъ мачиха къ своимъ пасынкамъ, въ крупныхъ центрахъ Россіи уже въ семидесятыхъ годахъ обнаруживаются зачатки пролетарскаго движенія.

Какъ ни неудовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ была пропаганда среди рабочихъ, но все же она дѣйствовала на нихъ возбуждающимъ образомъ и результаты ея скоро обнаружились. Уже въ срединѣ семидесятыхъ годовъ нѣкоторые изъ нихъ выступаютъ горячими пропагандистами, а вскорѣ мы ихъ видимъ въ политическихъ процессахъ защищающими предъ судьями и публикой свои революціонныя цѣли съ той же энергіей и съ тѣмъ же мужествомъ, какъ лучшіе ихъ товарищи изъ интеллигенціи. Въ Петербургѣ и въ Одессѣ сотни рабочихъ принимали участіе въ политическихъ демонстраціяхъ. Въ 1878 г. среди петербургскихъ рабочихъ началось даже своего рода массовое движеніе въ формѣ большихъ и планомѣрныхъ стачекъ. И вскорѣ послѣ этого стачечнаго движенія передовые элементы петербургскаго пролетаріата основали «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». А что этотъ союзъ былъ вызванъ къ жизни независимо отъ революціонной интеллигенціи, въ всякомъ случаѣ независимо отъ ея наиболѣе активныхъ и вліятельныхъ элементовъ, видно уже изъ его программы.

Извѣстно, что эта интеллигенція, исходя изъ ученія Бакунина, пренебрегала борьбой за политическія свободы и всякія конституціонныя требованія исключала изъ своихъ программъ, какъ нѣчто грѣховное. Рабочій же союзъ объявилъ борьбу за политическія

права и свободы первымъ необходимымъ шагомъ на пути къ соціализму. Это было неслыханнымъ новшествомъ, настоящей измѣной священнѣйшимъ традиціямъ нашего революціоннаго движенія, и ничего удивительнаго, что тогдашній главный органъ революціонной партіи сталъ въ рѣшительную оппозицію къ выступленію революціонеровъ-рабочихъ. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что еще слесарь Малиновскій въ 1875 году выступилъ на судѣ съ обвинительной рѣчью противъ абсолютизма. И точно также рабочій П. Алексѣевъ года два позже закончилъ свою «защитительную рѣчь» объявленіемъ войны абсолютизму. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи рабочіе первые поняли и рѣзче кого бы то ни было подчеркнули необходимость политической борьбы и уничтоженія абсолютизма.

Съ основаніемъ «Сѣверно-русскаго рабочаго союза» наши наиболѣе развитые пролетаріи вступили на путь, который долженъ былъ непосредственно привести къ самостоятельному рабочему движенію въ Россіи и именно на почвѣ ученій соціалъ-демократіи. Но къ тому времени, когда этотъ союзъ образовался, уже высоко подымались волны террористической борьбы, и это обстоятельство имѣло роковое вліяніе на зарождавшееся рабочее движеніе. Террористическая тактика дѣйствовала разлагающе, убійственно на это движеніе. Послѣднее было еще слишкомъ юно и слишкомъ слабо, чтобы уцѣлѣть въ политической атмосферѣ, созданной терроризмомъ.

Чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ и характерѣ нашего рабочаго движенія въ семидесятыхъ годахъ, пусть читатель вспомнитъ первыя поли-

тическія движенія нѣмецкихъ рабочихъ въ третьемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка. Общій интеллектульный уровень русскихъ рабочихъ былъ чрезвычайно низокъ, лишь ничтожная его часть умѣла читать и писать. При этихъ обстоятельствахъ активная поддержка со стороны учащейся молодежи принесла бы только-что основанному рабочему союзу неоцѣнимыя услуги. Правда, для развитія пролетарскаго классового и политическаго сознанія вліяніе этой молодежи было бы неудовлетворительно, ибо ея собственныя соціально-политическія воззрѣнія были запутаны и односторонни. Но этотъ недостатокъ уравновѣсился бы той пользой, которую интеллигенція принесла бы рабочимъ сообщеніемъ фактическихъ знаній, лекціями по исторіи, естествознанію и т. п. Политическое примѣненіе этихъ знаній, необходимые выводы изъ нихъ сдѣлали бы уже сами руководители рабочаго союза. Но террористическая борьба скоро увлекла самые активные элементы революціонной интеллигенціи, она сосредоточила на себѣ всѣ симпатіи и всѣ надежды почти всей учащейся молодежи. И такимъ образомъ эта борьба отвлекала отъ зарождавшагося въ это время рабочаго движенія важный для его быстраго роста элементъ. Но къ этому присоединялся еще одинъ столь же важный моментъ.

Передовые революціонные элементы рабочаго класса сами еще были сравнительно новичками въ области революціонной дѣятельности. Непосредственный же успѣхъ послѣдней въ Россіи зависитъ большей частью отъ цѣлаго ряда предосторожностей противъ полиціи. Можно сказать, что большая часть революціонныхъ силъ въ Россіи растрачивается на изобрѣтеніе и про-

веденіе этихъ мѣръ предосторожностей. И само собой разумѣется, что именно въ этомъ отношеніи революціонные представители демократической интеллигенціи могли бы оказать руководителямъ нашего рабочаго движенія въ начальной его стадіи существенныя услуги. Вѣдь революціонная интеллигенція накопила уже громадный опытъ въ области тайной политической работы и въ то время гораздо лучше могла его использовать, чѣмъ рабочіе. Но и этой поддержки рабочіе лишились, благодаря террористической тактикѣ.

Но эта тактика парализовала рабочее движеніе не только косвенно, но и непосредственно. Она не только отвлекала отъ него полезныя силы, но и очень затрудняла существованіе и дѣятельность рабочаго союза. «Съ каждымъ новымъ террористическимъ покушеніемъ обострялись полицейскія мѣропріятія, учащались обыски, увеличивались аресты и количество административныхъ ссылокъ. Для нелегальныхъ революціонеровъ (жившихъ подъ фальшивыми паспортами и чужими именами) этотъ бѣлый терроръ былъ вначалѣ почти безвреденъ, такъ какъ имъ удавалось заметать свои слѣды даже отъ опытныхъ шпіоновъ. Но совсѣмъ въ другомъ положеніи находились легальные революціонеры, какъ только они какъ-нибудь навлекали на себя подозрѣніе полиціи» [1]). Дѣйствительно, нелегальныхъ членовъ въ рабочемъ союзѣ было мало; но многіе изъ членовъ давно уже были на подозрѣніи у полиціи. Они именно больше кого бы то ни было страдали отъ ея преслѣдованій.

Ихъ арестовывали, заключали въ тюрьмы или ссы-

[1]) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (по личнымъ воспоминаніямъ) Г. Плеханова, стр. 86.

лали. Такія потери причиняли неокрѣпшей еще организаціи большой вредъ, и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что Сѣверно-русскій рабочій союзъ относился вначалѣ очень отрицательно къ новой тактикѣ революціонной борьбы. Халтуринъ, одинъ изъ основателей рабочаго союза, горько жаловался на то, что «интеллигенція» своимъ способомъ борьбы парализуетъ всѣ усилія новой организаціи упрочить свое существованіе, нанося ей каждымъ покушеніемъ новый вредъ. «Хотя дали бы вы намъ укрѣпить нѣсколько нашу организацію!» съ упрекомъ говорилъ онъ Плеханову, редактору «Земли и Воли», тогдашняго главнаго органа революціонной интеллигенціи.

Такимъ образомъ террористическая тактика въ двоякомъ отношеніи тормозила развитіе рабочаго союза: во-первыхъ, тѣмъ, что лишала его столь необходимой вначалѣ поддержки революціонной интеллигенціи, во-вторыхъ, тѣмъ, что создавала политическую ситуацію, необычайно затруднявшую дѣятельность союза. И все же, по мнѣнію Плеханова, годами поддерживавшаго связь съ петербургскими рабочими, положеніе этой организиціи, несмотря на всѣ эти препятствія, отнюдь не было безнадежнымъ. Заподозрѣнные полиціей члены союза, разсказываетъ Плехановъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», одинъ за другимъ подвергались высылкѣ, но на ихъ мѣсто появлялись новые члены, полиціи неизвѣстные и изощренные опытомъ своихъ товарищей.

Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ уже фактомъ, что рабочимъ удалось сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для изданія нелегальной газеты, несмотря на всѣ полицейскія мѣропріятія.

Почему же, спрашивается, союзъ такъ скоро пре-

кратилъ свое существованіе?—Отвѣтъ—опять-таки новый способъ борьбы интеллигенціи. Дѣло въ томъ, что самые активные революціонеры-рабочіе сами увлеклись этимъ способомъ борьбы, и тѣ изъ нихъ, которымъ удалось ускользнуть изъ полицейскихъ сѣтей, скоро сами вступали въ ряды террористовъ. Упомянутое выше отрицательное отношеніе рабочихъ къ террористической тактикѣ сохранялось лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдняя направлялась исключительно противъ агентовъ самодержавной власти и не была приведена въ связь съ ясно и послѣдовательно формулированной программой. Но положеніе вещей въ этомъ отношеніи существенно измѣнилось, какъ только террористы стали направлять свои удары непосредственно противъ царя и объявили прямой цѣлью своей дѣятельности – низверженіе абсолютизма. Послѣ покушенія Соловьева на Александра II (весною 1879 г.) они выступаютъ все болѣе открыто и сознательно, какъ политическая партія съ ясновыраженной цѣлью — употребить всѣ свои силы на завоеваніе демократически-конституціонныхъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ террористическая фракція, конституировавшаяся осенью 1879 г., какъ партія «Народной Воли», стала именно по вопросу о борьбѣ за политическую свободу на почву программы рабочаго союза. Что же касается террористическаго способа борьбы, то и отношеніе революціонеровъ-рабочихъ къ нему естественно должно было послѣ этого измѣниться. И рабочіе стали думать, что вмѣстѣ съ Александромъ II погибнетъ и абсолютизмъ. Такими иллюзіями увлекались на арену террористической борьбы и люди, подобные столяру Халтурину. Въ противоположность своей прежней тактикѣ, онъ съ зимы 1879 г. отдается тѣломъ

и душой террористической дѣятельности. Мысль о взрывѣ Зимняго дворца возникла въ одномъ рабочемъ кружкѣ, и Халтуринъ былъ тѣмъ человѣкомъ, который рѣшилъ привести эту мысль въ исполненіе.

Такимъ образомъ, надежда на скорое низверженіе абсолютизма побудила и самихъ революціонныхъ представителей рабочихъ отказаться отъ своей пропагандистско-организаціонной дѣятельности и отдать свои силы террористической борьбѣ. Это нанесло смертельный ударъ только-что зародившейся организаціи. Оставленная не только революціонной интеллигенціей, но и своими собственными иниціаторами, она не могла существовать въ чрезвычайно сгустившейся въ 1879—1881 гг. полицейской атмосферѣ. Такимъ-то образомъ, первое самостоятельное политическое движеніе нашихъ рабочихъ было задушено въ самомъ своемъ зародышѣ. И это сказалось немедленно послѣ смерти Александра II въ полнѣйшей пассивности рабочихъ, несмотря на полную растерянность, наступившую тогда въ правительственныхъ сферахъ. А все же наши петербургскіе и одесскіе пролетаріи уже принимали относительно большое участіе въ различныхъ публичныхъ выступленіяхъ нашей революціонной интеллигенціи, имѣвшихъ мѣсто во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, и сама интеллигенція осталась совершенно спокойной какъ въ день перваго марта, такъ и въ послѣдующіе дни. Со смертью Александра II могильная тишина наступаетъ и на революціонномъ полѣ дѣйствія; не хватало подходящихъ силъ для того, чтобы надлежащимъ образомъ использовать благопріятный моментъ въ интересахъ политической агитаціи среди массъ. Не создавши новаго контингента, терроръ поглотилъ какъ разъ все

политическія силы, подготовленныя пропагандистско-организаціоннымъ періодомъ семидесятыхъ годовъ.

Истекшее десятилѣтіе обнаруживаетъ постоянную убыль революціоннаго движенія въ Россіи. Къ концу этого десятилѣтія о таковомъ вообще не можетъ больше быть и рѣчи, а выраженіе «революціонная интеллигенція», въ смыслѣ массового явленія, теряетъ свое реальное значеніе. Огромное большинство радикальной интеллигенціи совершенно оставляетъ арену революціонной борьбы, а меньшинство ея, за очень немногими исключеніями, проявляетъ свой «революціонный» духъ въ прославленіи исторической роли интеллигенціи и въ неустанной болтовнѣ о чудотворной силѣ террора. О томъ, чтобы сосредоточить свои силы на пробужденіе рабочихъ къ политической жизни, большинство ея представителей и знать ничего не хотѣло. Одни потому, что не вѣрили въ успѣхъ дѣла, другіе—изъ боязни (!) «городской революціи». Объ энергичной и широкой революціонной агитаціи интеллигенціи среди рабочихъ въ теченіе прошлаго десятилѣтія не можетъ быть и рѣчи. И тѣмъ не менѣе мы къ концу послѣдняго замѣчаемъ несомнѣнные признаки вновь зарождающагося движенія среди нашихъ рабочихъ. Но оно по существу своему возникаетъ на почвѣ умственнаго движенія, охватившаго въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ уже сравнительно широкія массы народа.

II.

Еще недавно, лѣтъ 15—20 назадъ, церковно-религіозный протестантизмъ, сектантство, было единствен-

ной интеллектуальной формой, въ которую отливались соціальныя стремленія народныхъ массъ. Въ теченіе же послѣдняго десятилѣтія низшими классами все болѣе и болѣе овладѣваетъ умственное движеніе совсѣмъ другого рода. Неудержимое стремленіе этихъ классовъ къ образованію, стремленіе освободиться отъ оковъ духовной «тьмы и невѣжества»—явленіе это совершенно ново и означаетъ колоссальный прогрессъ въ томъ процессѣ европеизаціи, который Россія прошла за послѣднее время. Недавно только наши «образованные слои» представляли собою своего рода европейскій оазисъ въ безконечной пустотѣ русской азіатчины, а теперь мы видимъ, какъ съ каждымъ днемъ эта пустыня уменьшается вовлеченіемъ все болѣе широкихъ народныхъ массъ въ этотъ процессъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести здѣсь всѣ тѣ факты, характеризующіе размѣры и интенсивность указаннаго движенія и собранные въ легальной русской прессѣ. Намъ приходится ограничиться общимъ указаніемъ на такіе факты, какъ массовой наплывъ рабочихъ на публичныя чтенія, происходящія во многихъ городахъ на самыя разнообразныя темы [1]), на библіотеки и читальни, устраиваемыя въ деревняхъ и городахъ по собственной иниціативѣ и на собственныя средства этихъ народныхъ массъ, наконецъ, на массовую продажу книгъ, брошюръ и т. д. Одно издательство, напримѣръ, Сытина въ Москвѣ, занявшееся исключительно изданіемъ дешевыхъ «народныхъ книжекъ», продастъ ежегодно минимумъ отъ восьми до десяти милліоновъ экземпляровъ различныхъ бро-

[1]) Само собой понятно, въ рамкахъ, установленныхъ правительствомъ и полиціей.

шюръ. Предназначенныя для «народа» книжки печатаются издателями въ большинствѣ случаевъ отъ 20—50.000, нерѣдко 80.000 экземпляровъ, при чемъ нѣкоторыя брошюры выходятъ за одинъ годъ въ трехъ изданіяхъ [1]).

Значительная, вѣроятно, даже большая часть этихъ «народныхъ книжекъ» состоитъ, правда, изъ лубочной литературы. Но даже и такая духовная пища дѣйствуетъ на народъ въ высшей степени возбуждающимъ, можно даже сказать,—революціонирующимъ образомъ. Интенсивный процессъ разложенія экономическаго фундамента самодержавія, непрестранно обостряющійся антагонизмъ между новыми условіями существованія русской націи и ея восточной политической организаціей порождаютъ новыя интеллектуальныя и моральныя потребности въ русскомъ народѣ, возбуждаютъ въ немъ своего рода инстинктивное стремленіе къ новымъ идеямъ и представленіямъ и дѣлаютъ его воспріимчивымъ къ нимъ. При такихъ условіяхъ даже лубочная литература дѣйствуетъ на умъ и настроеніе низшихъ классовъ не то какъ электрическая искра, однимъ ударомъ возбуждающая всю нервную систему, не то какъ молнія, внезапно освѣщающая новый далекій горизонтъ. Эта литература возбуждаетъ лишь жгучую жажду къ лучшей пищѣ въ десяткахъ тысячахъ читателей и страстное стремленіе удовлетворить этой потребности.

Иллюстраціей къ только-что сказанному можетъ послужить слѣдующее письмо нѣкоторыхъ рабочихъ

---

[1]) Всѣ эти факты взяты изъ произведенія Пругавина „Запросы Народа“, изданнаго въ 1890 г. редакціей ежемѣсячнаго журнала „Русская Мысль“.

къ Успенскому, извѣстному демократическому писателю. Съ этимъ письмомъ они обратились къ нему весной 1888 г. во время юбилея, устроеннаго въ честь его двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности. Письмо снабжено пятнадцатью подписями. «Мы видимъ, жалуются рабочіе въ своемъ письмѣ, какъ иные безсердечные люди на каждомъ шагу унижаютъ насъ и нашихъ товарищей, смотрятъ на насъ съ презрѣніемъ, называютъ глупымъ народомъ и въ своихъ словахъ умышленно выставляютъ насъ лѣнтяями, пьяницами и считаютъ рабочаго послѣднимъ человѣкомъ. Своимъ черствымъ сердцемъ не умѣя насъ понять, они судятъ о насъ по давно прошедшему времени и думаютъ, что мы и теперь, какъ были въ крѣпостное время, что мы, какъ они, словно столбъ, врытый въ землю, подгниваемъ на одномъ мѣстѣ. Они своими слѣпыми глазами видятъ въ насъ только грязныхъ, неуклюжихъ рабочихъ. Пора имъ перестать видѣть въ насъ непонятливое стадо глупыхъ людей и говорить, что мы неспособны понимать правду, не нуждаемся въ образованіи, не любимъ читать хорошія, дѣльныя книги».

Въ своемъ письмѣ, разсказываетъ Успенскій, рабочіе гораздо меньше жалуются на свою матеріальную нужду, чѣмъ на господствующее среди массъ невѣжество и на недостатокъ интеллектуальной и моральной поддержки трудящимся классамъ въ ихъ борьбѣ съ собственнымъ невѣжествомъ. Мы не имѣли представленія, говорятъ авторы письма, о существованіи иныхъ книгъ, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются книгоношами за ничтожную цѣну. «Мы вѣрили его похваламъ, которыя онъ разсыпалъ своему товару. И вотъ теперь, когда мы узнали хорошія книги и немного развились, когда въ

праздничный день идемъ по базару, то съ грустью на сердцѣ видимъ, что есть еще много нашего брата, который пробавляется этими книжонками. Сколько прошло времени, сколько пролетѣло голыхъ годовъ безплодно, пока мы сами своимъ умомъ и желаніемъ къ развитію, а иногда съ помощью добрыхъ людей, добрались (!) до хорошихъ книгъ, которыя открыли намъ глаза, показали свѣтъ и правду. Мы сумѣли сами для себя изъ этихъ хорошихъ книгъ извлечь пользу. Мы научились думать о своей жизни, о своихъ товарищахъ, о жизни разныхъ людей, научились отличать добро отъ зла, правду отъ лжи».

Моральное дѣйствіе «хорошихъ книгъ» на рабочихъ они описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Въ праздничные дни и по вечерамъ мы полюбили читать хорошія книги, и вечеръ проходилъ незамѣтно. Довольные чтеніемъ, мы расходились съ волненіемъ въ душѣ, и забывалась на время тяжелая доля рабочаго, жизнь на заводахъ и фабрикахъ, тяжелая, обидная, безправная, полная бранью и униженіемъ. Мы чахли въ ней, и чахли наши дѣти по фабрикамъ и мастерскимъ; но вѣра въ добро и правду не покидала насъ, облегчала измученное сердце, и надежда въ душѣ загорается. Утромъ (послѣ вчерашняго чтенія) мы идемъ на работу, на сердцѣ весело, потому что теперь вокругъ себя мы видимъ все ясно и понятно, и жаль намъ становится нашихъ товарищей, которые живутъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, проклиная долю рабочаго, проклиная себя и свою неповинную семью. И вѣрится намъ, что настанетъ хорошее время, когда всѣ рабочіе разовьются, поумнѣютъ и полюбятъ хорошее чтеніе, будутъ дружно

жить и любить товарищей; убавится тогда пьянство и разгулъ, и тогда насъ, рабочихъ, всѣ станутъ уважать.

Что лубочная пресса составляетъ лишь предварительную ступень къ болѣе серьезнымъ занятіямъ не только для избранныхъ натуръ, но и для значительныхъ массъ народа, доказывается слѣдующими фактами. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, замѣчаетъ гдѣ-то нашъ знаменитый писатель Л. Толстой, въ нашемъ государствѣ было лишь нѣсколько десятковъ тысячъ лицъ, вообще умѣвшихъ читать и писать. Какъ ничтожно поэтому должно было тогда быть распространеніе сочиненій нашихъ классиковъ и количество подписчиковъ газетъ и журналовъ! А теперь произведеній Толстого въ одинъ только (1887) годъ было издано около 700.000 экземпляровъ. Драма того же автора «Власть тьмы» вышла въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ пяти изданіяхъ и за указанный годъ она разошлась въ количествѣ почти 100.000 экземпляровъ. Въ теченіе этого же года произведенія Пушкина вышли у различныхъ издателей почти въ полтора милліона экземпляровъ. То же явленіе доказывается въ прогрессивно растущемъ спросѣ на произведенія Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Успенскаго и др.

Такой же ростъ количества читателей можно констатировать и въ отношеніи періодической печати. Иллюстрированный журналъ «Нива» печатается въ 130.000 экземпляровъ, число провинціальныхъ газетъ увеличивается изъ года въ годъ, а число подписчиковъ, какъ научно-литературныхъ и политическихъ журналовъ, такъ и столичныхъ газетъ, растетъ съ невѣроятной быстротой. Число читателей больше, конечно, числа подписчиковъ; напримѣръ, рабочіе нѣко-

торыхъ заводовъ и фабрикъ нанимаютъ на собственныя средства помѣщенія для общихъ читаленъ, въ которыхъ выдаются избранныя сочиненія русскихъ писателей, популярныя книги, періодическія изданія и газеты. Колоссальное значеніе этихъ фактовъ сможетъ понять лишь тотъ, кто имѣетъ представленіе объ ужасныхъ административно-полицейскихъ препятствіяхъ, съ которыми печати и народному образованію приходится въ Россіи бороться на каждомъ шагу.

Отмѣченное движеніе охватываетъ не одни только большіе города, но и сельское населеніе. А въ какомъ направленіи развиваются городскіе рабочіе подъ вліяніемъ этого движенія, недвусмысленно свидѣтельствуетъ адресъ, преподнесенный группой петербургскихъ пролетаріевъ писателю Шелгунову во время его болѣзни: «Вы первый», говорится въ этомъ адресѣ, «признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами». Далѣе рабочіе подчеркиваютъ, что, описавши въ своихъ сочиненіяхъ борьбу и завоеванія ихъ западно-европейскихъ братьевъ, Шелгуновъ тѣмъ самымъ указалъ русскимъ пролетаріямъ путь къ ихъ освобожденію. Имъ стало ясно, что и имъ «нечего разсчитывать на какую-нибудь внѣшнюю помощь», что свое положеніе они «могутъ улучшить только собственными усиліями»... «Можетъ быть, ни Вы, ни мы не доживемъ до того, чтобы увидѣть будущее, къ которому стремимся и о которомъ мечтаемъ. Можетъ быть, не одинъ изъ насъ падетъ жертвою борьбы. Но

это не удержитъ насъ отъ стараній достигнуть нашей цѣли».

Очень характерно для классового инстинкта—можетъ быть, даже классового сознанія—русскихъ рабочихъ то, что они формулируютъ заслуги Шелгунова въ слѣдующихъ словахъ: «Вы выполнили свою задачу, показавши намъ, какъ мы должны вести борьбу».

Данная въ адресѣ характеристика литературной дѣятельности Шелгунова не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Онъ—больше крестьянскій демократъ, проникнутый общимъ гуманнымъ образомъ мыслей, чѣмъ рабочій демократъ и соціалистъ въ современномъ смыслѣ слова. Воодушевленный благороднѣйшими чувствами и радикально-демократическими стремленіями, Шелгуновъ однако далекъ отъ того, чтобы выяснять учащейся молодежи значеніе рабочаго движенія въ Россіи для ея дальнѣйшаго развитія. Еще менѣе онъ задавался «задачей» показать, «какъ русскіе пролетаріи должны вести свою собственную освободительную борьбу». Тѣмъ не менѣе, пониманіе авторами адреса тѣхъ цѣлей и «задачъ», которыя Шелгуновъ долженъ былъ, какъ писатель, преслѣдовать, чрезвычайно характерно для настроенія и стремленій самой передовой части русскихъ рабочихъ. Какъ нѣкогда недовольные и революціонные классы вычитывали изъ библіи и богословскихъ сочиненій всѣ возможныя и невозможныя теоріи въ пользу своихъ стремленій, такъ въ настоящее время наши интеллигентные рабочіе дѣлаютъ изъ демократической печати, какого бы она ни была оттѣнка, выводы, соотвѣтствующіе ихъ классовымъ интересамъ. Пищу, составленную изъ «народничества» и утопически-соціалистическаго матеріала, они прост

переработываютъ въ воззрѣнія, соотвѣтствующія ихъ классовому инстинкту и пробуждающемуся классовому сознанію, и думаютъ, что этотъ результатъ полученъ ими отъ самихъ демократическихъ авторовъ [1]).

Какъ далеко подвинулось впередъ развитіе классового сознанія болѣе интеллигентной части русскихъ рабочихъ, съ особенной ясностью обнаружилось въ прошломъ году по случаю всемірнаго праздника рабочихъ. Дѣло въ томъ, что и лучшіе представители петербургскихъ рабочихъ принимали на этотъ разъ участіе въ международномъ рабочемъ праздникѣ. Правда, они праздновали его не на публичныхъ собраніяхъ и демонстраціяхъ, а въ строжайшей тайнѣ и, при томъ, съ рискомъ быть пойманными полиціей и послѣ долголѣтняго предварительнаго заключенія быть осужденными, какъ члены «тайнаго сообщества», на каторжныя работы или одиноч-

---

[1]) Что же касается Шелгунова, то онъ лѣтъ тридцать тому назадъ изложилъ содержаніе книги Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Читателей изъ рабочей среды тогда не было, еще не могло быть и рѣчи въ то время и о рабочемъ классѣ въ Россіи. Шелгуновъ предпринялъ упомянутую работу навѣрное не изъ политическихъ, а главнымъ образомъ изъ гуманныхъ и просвѣтительныхъ соображеній. Она уже давно забыта, и именно интеллигенціей. Демократическіе коллеги Шелгунова, сколько мнѣ извѣстно, ни словомъ не упомянули въ своихъ некрологахъ эту его работу, хотя адресъ рабочихъ и ихъ вѣнокъ на гробѣ покойнаго долженъ былъ напомнить демократической интеллигенціи объ этой работѣ. Пишущій эти строки впервые узналъ о ея существованіи въ 1880 г. въ Петербургѣ отъ подмастерья одного большого завода; онъ разсказалъ мнѣ, что рабочіе ее отгектографировали, чтобы дать ей болѣе широкое распространеніе.

ное заключеніе. Но именно это обстоятельство говоритъ ярче всего объ интенсивности освободительныхъ стремленій наиболѣе передовыхъ пролетаріевъ въ Россіи. и, благодаря ему, ихъ участіе въ международномъ рабочемъ праздникѣ пріобрѣтаетъ симптоматическое значеніе такого факта, важность котораго трудно переоцѣнить. Мимоходомъ укажемъ здѣсь, что русскій календарь разнится отъ западно-европейскаго на двѣнадцать дней, и тѣмъ не менѣе наши рабочіе праздновали одновременно съ нѣмецкими и англійскими пролетаріями, стало быть въ первое майское воскресенье. «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Этотъ пароль глубоко проникъ въ сердце и голову передового русскаго пролетаріата и вытѣсняетъ изъ нихъ традиціонныя представленія и чувства, замедляющія или затрудняющія процессъ европеизаціи Россіи.

Обратимся однако къ рѣчамъ, произнесеннымъ на майскихъ собраніяхъ (мы, впрочемъ, не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ ихъ размѣрѣ и количествѣ) петербургскихъ рабочихъ. Нѣмецкіе рабочіе имѣли сравнительно много случаевъ читать о дѣйствіяхъ, стремленіяхъ и взглядахъ русской интеллигенціи. Но имъ должно быть еще болѣе интересно узнать, въ какой степени ихъ русскіе братья уже приблизились къ идеямъ и требованіямъ борющагося пролетаріата болѣе передовыхъ странъ. Мы поэтому передадимъ по возможности дословно читателямъ «Neue Zeit» содержаніе полученныхъ рѣчей.

III.

Надо прежде всего обратить вниманіе на то, что всѣ ораторы особенно настойчиво указывали на необ-

одимость соціально-политической самодѣятельности гнетенныхъ народныхъ массъ и на долгъ интеллигентыхъ рабочихъ взять на себя какъ инниціативу прокужденія этихъ массъ къ освободительной борьбѣ, икъ и руководство ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчи указываютъ и источникъ мужества и воодушевленія освободительныхъ стремленій передовыхъ русскихъ рабоихъ. Одинъ изъ ораторовъ обратился къ своимъ товарищамъ съ слѣдующими словами:

«Товарищи!

«Сегодняшній день (для насъ) долженъ неизгладимо остаться у каждаго въ памяти. Только сегодня, ъ первый разъ, намъ пришлось собраться со всѣхъ онцовъ Петербурга на это скромное собраніе и въ ервый разъ слышать отъ товарищей-рабочихъ горяее слово, призывающее на борьбу съ нашими сильыми политическими и экономическими врагами.

«Да, товарищи! Видя такого врага и не зная, въ емъ его сила, видя свою небольшую горсть людей, оторые берутъ на себя эту борьбу, нѣкоторые изъ асъ не могутъ надѣяться на успѣхъ нашей побѣды: ни въ отчаяніи и трусости покидаютъ наши ряды. Нѣтъ, товарищи! Мы твердо должны надѣяться на ашу побѣду.

«Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ ружіемъ,—а это оружіе есть знаніе историческихъ аконовъ развитія человѣчества,—намъ стоитъ только тимъ вооружить себя, тогда мы всюду побѣдимъ рага. Никакія его притѣсненія и высылки на родину, аточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь е отнимутъ отъ насъ этого оружія.

«Мы всюду найдемъ поле побѣды, всюду будем передавать свое знаніе: на родинѣ своимъ крестьянам, а въ тюрьмахъ будемъ объяснять арестантамъ, что он тоже люди и имѣютъ всѣ человѣческія права; чтоб они сознавали эти права, передавали свое *знаніе* *дру*гимъ и организовали ихъ въ группы.

«Въ этомъ залогъ нашего успѣха!

«Да, товарищи! Намъ часто приходится читать ил даже слышать о манифестаціяхъ рабочихъ на Запад, которые громадными и стройными колоннами движутс по городамъ и наводятъ страхъ на своихъ эксплоат торовъ; но стоитъ намъ присмотрѣться къ истор развитія этой стройной массы, и тогда намъ ясно ст нетъ, что эта масса произошла отъ такой же небол шой группы людей, какъ и мы.

«Взглянемъ, хотя бѣгло, на историческое развит соціалъ-демократической партіи въ Германіи, этой с мой сильной и стройной организаціи на Западѣ. Он тоже произошла отъ небольшой кучки людей, сгру пировавшихся въ одной производительной мѣстност какъ нашъ Петербургъ. Эти рабочіе первые сознал свои человѣческія права и стали передавать свои убѣж денія другимъ рабочимъ, за что́ и стали преслѣд ваться и высылаться правительствомъ по провинціям Но даже это распоряженіе послужило на пользу р бочимъ. Эти рабочіе нашли себѣ товарищей и, сор ганизовавшись всѣ вмѣстѣ, составили одинъ нера дѣльный союзъ. Что же намъ, русскимъ рабочимъ, о чаяваться, бѣжать отъ этихъ борющихся товарищ которые идутъ на такое великое дѣло, какъ дѣло н роднаго освобожденія?!

«Смотря на всѣ историческіе факты, которые нас

смѣло заставляютъ надѣяться на побѣду, мы должны также думать и о нашемъ русскомъ народѣ. Онъ до тѣхъ поръ будетъ нести взваленныя на него тяжести, пока не сознаетъ за собой человѣческихъ правъ и не сознаетъ, что онъ-то, рабочій, долженъ имѣть больше всѣхъ право пользоваться всѣми богатствами, производимыми его трудомъ. Нашъ рабочій долженъ также знать, что трудъ есть двигатель всего человѣческаго прогресса, что онъ—создатель всей науки, искусства и изобрѣтеній. Лишь только народъ все это узнаетъ, его тогда никакая армія не сможетъ удержать отъ самоосвобожденія, а нести такое сознаніе въ народъ есть прямое неотъемлемое право всѣхъ развитыхъ рабочихъ».

Какъ видите, борьба и завоеванія западно-европейскаго и особенно нѣмецкаго пролетаріата вдохновляютъ нашихъ рабочихъ къ ихъ собственной освободительной борьбѣ. Съ такой же настойчивостью другой ораторъ указывалъ на необходимость для эксплоатируемыхъ классовъ Россіи присоединиться къ борющейся арміи ихъ западно-европейскихъ братьевъ. Выразивши сожалѣніе, что русскимъ рабочимъ «до лучшаго будущаго приходиться помириться съ невозможностью собраться и провести вмѣстѣ, по примѣру рабочихъ въ западныхъ государствахъ, день 1-го мая, а довольствоваться возможностью собраться въ воскресенье», ораторъ немедленно обращаетъ свои взоры къ Западу:

«Западные рабочіе страдаютъ, какъ и мы, подъ гнетомъ капиталистическаго строя, т. е. такого, при которомъ всѣ продукты труда, произведенные рабо-

чими, фабрикантъ продаетъ въ свою пользу, а рабочимъ за ихъ трудъ платитъ лишь столько, чтобы они не могли умереть съ голоду. Не довольствуясь такимъ возмутительнымъ порядкомъ, который лишаетъ ихъ выгодъ своего труда, они часто задумывались надъ положеніемъ, въ которомъ они находятся, и пришли къ тому заключенію, что выбраться изъ него возможно только путемъ умственнаго развитія народа, такъ какъ отъ его развитія зависитъ все.

«Придя къ такому заключенію, они не остановились только на словахъ, а стараются развивать и организовать себя и другихъ въ тѣсную организацію и при ней имѣютъ кассу, на средства которой распространяютъ книги и издаютъ журналы и газеты, въ которыхъ приводятъ свои идеи; они стараются поддерживать стачки, хотя и не считаютъ ихъ кореннымъ средствомъ для уничтоженія зла, потому что онѣ могутъ при благопріятномъ исходѣ лишь только нѣсколько улучшить положеніе рабочихъ, но не освободить ихъ изъ подъ гнета капитала. Постепенно усиливаясь, благодаря энергичной дѣятельности, они время отъ времени различными средствами давали почувствовать обществу и правительству свою силу и предъявляли свои требованія, и правительство нѣкоторыя изъ нихъ принуждено было удовлетворить. Напримѣръ: дало конституцію, свободу печати, свободу сходокъ и организацій и т. п. права, при пріобрѣтеніи которыхъ имъ гораздо легче стало бороться съ существующимъ экономическимъ строемъ.

«Однимъ изъ такихъ средствъ, которымъ они хотѣли дать почувствовать свою силу и тутъ же предъявить одно изъ важныхъ требованій, была громадная

манифестація въ день 1-го мая. Они этой манифестаціей требовали установленія законодательнымъ порядкомъ 8-ми-часового дня. Изъ сравненія же манифестацій прошлогодней и нынѣшней видно, что силы ихъ возрастаютъ, такъ что даютъ надежду въ не очень далекомъ будущемъ увидѣть тотъ лучшій и справедливый строй, къ которому они стремятся».

Еще подробнѣе и краснорѣчивѣе описывалъ третій ораторъ борьбу и успѣхи западно-европейскихъ пролетаріевъ, еще рѣзче и убѣдительнѣе предыдущихъ ораторовъ онъ говорилъ о крайней необходимости энергической самодѣятельности угнетенныхъ массъ, при томъ, не только для своего конечнаго освобожденія, но и для достиженія всякаго рода, даже самыхъ малыхъ улучшеній въ своемъ положеніи. Вотъ эта рѣчь:

«Товарищи!

«Я хочу сказать нѣсколько словъ о сегодняшнемъ торжественномъ для насъ днѣ, устроенномъ по примѣру нашихъ братьевъ, западныхъ рабочихъ.

«Братья! Будемъ пользоваться этой первой занимающейся на горизонтѣ нашей русской жизни свѣтлой минутой нашего душевнаго наслажденія. Хотя наши западные братья уже давно пользуются такими праздниками, которымъ мы только начинаемъ изъявлять наше душевное сочувствіе, и то не на законной почвѣ; но и это, товарищи, хорошо. Хорошо, что и мы тоже начинаемъ пробуждаться отъ вѣкового нашего сна подъ гнетомъ барскаго, поповскаго и царскаго рабства!— начинаемъ, я говорю, пробуждаться, и это уже есть часть, внесенная русскими работниками въ общій прогрессъ. Да, вѣдь, товарищи, сразу ничего не дѣлается

*

въ мірѣ, а все совершается по опредѣленнымъ законамъ природы. И человѣческій геній не можетъ обнять все сразу, все предугадать, а постепенно узнаетъ святую истину. Ему всегда приходятся на долю самыя трудныя работы во всѣ вѣка человѣческой жизни— будить сознаніе въ самомъ человѣчествѣ и двигать его на путь истиннаго прогресса и счастья. Конечно, товарищи, это счастье достается всегда не легко, оно очень дорого для самого человѣчества. То же мы видимъ и у нашихъ братьевъ, западныхъ рабочихъ. Они имѣютъ уже силу и свободу: это уже есть частица счастья. Но эта частица была добыта ими дорогою цѣною: ихъ человѣческой кровью. Они боролись долго за эту частичку счастья, которымъ они пользуются теперь. Они боролись долго, много, цѣлые десятки лѣтъ съ оружіемъ въ рукахъ за свободу, истину, равенство и братство! Но вотъ, товарищи, мы видимъ, ихъ требованія уже признаны закономъ, какъ стачки, кассы, товарищества, союзы, библіотеки, такъ и другія общественныя учрежденія. А у насъ — ничего, потому что мы сами не старались объ этомъ. У насъ, какъ вы сами знаете, еще всякія заявленія о правахъ народа сейчасъ считаются бунтомъ! Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьма, каторга, да казацкія нагайки! А тамъ, на западѣ, наши братья-работники уже пользуются всѣми политическими правами! Мы холопы, рабы! Мы должны шапку ломать передъ послѣднимъ становымъ, околоточнымъ, городовымъ! А тамъ—всѣ свободные, равноправные граждане, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи, такъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ! Мы можемъ судить объ ихъ силѣ по прошлогоднимъ выборамъ въ

германскій парламентъ; рабочіе подали за своихъ вождей около полутора милліона голосовъ, а всѣхъ выборщиковъ тамъ семь милліоновъ, стало быть, пятая часть всего народа, государства, на сторонѣ рабочихъ, подъ ихъ управленіемъ, и потому они имѣютъ 104 своихъ газеты съ шестью стами тысячъ (600.000) подписчиковъ, а ихъ общая касса въ 1880 г. имѣла 37.000 марокъ, въ 1883—95 тысячъ, въ 1887 г. уже имѣла 188 тысячъ, а въ прошломъ году даже 390 тысячъ марокъ! Видите, товарищи, какъ они скоро увеличиваются и какъ сильны! Они прямо представляютъ изъ себя организованную партію, силу, противъ которой уже становится невозможнымъ бороться не только ихъ эксплоататорамъ, но даже и самому правительству со своимъ войскомъ! Такъ вотъ, товарищи, какъ возросла ихъ сила съ 1848 года, со дня, какъ въ первый разъ раздалось: «Пролетаріи всѣхъ странъ—соединяйтесь!» Да, братья, эти великія слова принадлежатъ дѣлу ума человѣческаго! Умъ человѣческій — сѣятель святой истины—раскинулъ свое сѣмя чуть не по всему земному шару, а со времени 60—70-хъ годовъ и въ нашу забитую Русь, въ началѣ преимущественно въ ряды нашей учащейся молодежи — нашихъ самыхъ лучшихъ друзей, а черезъ нихъ прежде и теперь проникаетъ и къ намъ.

«Господа! какъ мы видимъ, это маленькое перенесенное сѣмячко растетъ, зрѣетъ и пускаетъ свои отростки по всей русской землѣ! Растетъ оно, но и страшныхъ враговъ оно имѣетъ въ лицѣ кулаковъ, поповъ, господъ и правительства съ его войскомъ и полиціей! Трудная ведется борьба! Уже десятки тысячъ молодежи погибло за насъ въ снѣгахъ Сибири, въ казематахъ

Петропавловки, Шлиссельбурга! Начнемъ же и мы сами за себя бороться! Не легко въ началѣ намъ придется! Каждый шагъ нашъ, каждый проступокъ грозитъ намъ тюрьмой или высылкой, но что же дѣлать, товарищи! Не безъ этого, когда дѣло идетъ о жизни и смерти!

«Товарищи! вы сами видите, что у насъ во всѣхъ концахъ Россіи царятъ страшныя экономическія нужды какъ у промышленныхъ, такъ и у земледѣльческихъ рабочихъ! Только и слышно одинъ стонъ вопіющій!

«Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется!» говоритъ Некрасовъ—и впрямь: вездѣ недостатокъ, голодъ, произволъ становыхъ (а видно и того мало показалось—такъ еще назначили земскихъ начальниковъ изъ дворянъ, чтобы сѣкли побольше), нищета, болѣзни, преждевременныя смерти насъ, женъ и дѣтей нашихъ! Какъ піявки сосутъ они нашу кровь, дѣлаютъ они изъ насъ какихъ-то людей другого рода—блѣдныхъ, зеленыхъ, хилыхъ, а все это для чего? Для того, чтобы кучкѣ фабрикантовъ, помѣщиковъ, чиновниковъ было возможно жить въ роскоши, пьянствѣ и развратѣ! И вотъ во имя-то этихъ скотскихъ похотей они весь народъ, сто милліоновъ, сковали въ позорныя, холопскія, рабскія цѣпи, въ которыхъ намъ нѣтъ возможности подняться, пикнуть и вздохнуть!

«Товарищи-братья! Неужели же мы не люди, что они насъ такъ унизили до полнаго состоянія рабовъ, съ полнымъ униженіемъ человѣческаго достоинства! И все это такъ, какъ будто, и надо. Всю жизнь они тиранятъ насъ, не даютъ они намъ возможности взглянуть пошире на несправедливую общественную жизнь нашу; только и потчиваютъ насъ которую уже сотню лѣтъ терпѣніемъ да надеждой на царствіе Божіе, чтобы было

возможно спокойно жить имъ и пить нашу кровь! Нѣтъ, въ эти сказки плохо вѣрится! Но пока мы еще безправные рабы самодержавія съ пятномъ возложеннаго на насъ позора! Такъ будемъ же добиваться себѣ правъ, которыми мы должны пользоваться во имя своего человѣческаго достоинства, чтобы было возможно жить какъ людямъ, думать, говорить, собираться, обсуждать свои общественныя дѣла безъ всякихъ для насъ препятствій со стороны шпіоновъ и подлой полиціи.

«Товарищи! трудно будетъ намъ на первыхъ порахъ вступить въ борьбу съ нашими врагами за наши экономическія и политическія права, но вспомнимъ, что еще теперь въ настоящую минуту тысячи интеллигентовъ сидятъ за насъ въ Сибири, въ тюрьмахъ, на каторгѣ! Вспомнимъ, что не легко досталось улучшить свое положеніе нашимъ братьямъ, западнымъ рабочимъ, такъ, стало быть, и намъ не легко будетъ улучшить свое подъ разгуломъ деспотической реакціи, которая будетъ насъ преслѣдовать на каждомъ шагу.

«Товарищи! трудно намъ будетъ, но наука освободила западныхъ рабочихъ, она поможетъ и намъ просвѣтить умы наши, да и пополнить души наши святой истиной любви другъ къ другу! Будемъ, друзья, бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться, объединяться, сами и товарищи, будемте организоваться въ сильную партію! Будемте, братья, сѣять это великое сѣмя съ восхода и до захода солнца во всѣхъ уголкахъ нашей русской земли».

Читатель замѣтилъ, съ какой теплотой говорится въ послѣдней рѣчи о заслугахъ революціонной интел-

лигенціи. Такимъ же образомъ и другіе ораторы выражали свою признательность революціонерамъ за тѣ жертвы, которыя они принесли, борясь за интересы народа. Но съ этими чувствами ассоціируется и своего рода недовольство учащейся молодежью послѣднихъ лѣтъ. Такъ, первый ораторъ, цитированный мною, слѣдующимъ образомъ высказался о различіи въ характерѣ «современной молодежи» и «нашей интеллигенціи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ».

«Взгляните, товарищи, на эту борьбу съ исторической точки зрѣнія, какъ эти друзья и борцы народа несли въ народъ все свое знаніе и, нерѣдко жертвуя даже жизнью, оправдали себя передъ исторіей и не остались въ долгу у народа. Они всюду откликались на народный стонъ и давали руки для помощи, но народъ не призналъ въ нихъ друзей и смотрѣлъ на нихъ съ недовѣрчивостью. Такъ понесемъ же теперь мы, товарищи, свое скромное знаніе въ народъ: не сумѣемъ ли мы передать его народу и не пойметъ ли онъ теперь насъ, потому что мы ближе стоимъ къ нему, чѣмъ интеллигенція. Только жаль одного, товарищи, что у насъ нѣтъ ни откуда помощи, какъ прежнимъ рабочимъ, исключая небольшой кучки людей, которымъ мы всегда отдадимъ сердечное спасибо. Нынѣшняя молодежь не слышитъ народнаго стона и не видитъ народнаго горя— она и не думаетъ о народѣ. Эта молодежь не что, какъ паразитическій элементъ общества: они способны только истреблять продукты общественнаго труда, а и не думаютъ платить за эти труды народу».

Здѣсь не приходится разбирать характеръ тѣхъ тенденцій и воззрѣній, которыя выражены въ приве-

денныхъ рѣчахъ. На нихъ такъ ясна печать соціалъ-демократическаго происхожденія, что распространяться по этому поводу предъ читателями «Neue Zeit» совершенно излишне. Но среди полученныхъ нами рѣчей есть одна, которая, повидимому, сводитъ воедино цѣли и требованія руководящихъ круговъ русскаго рабочаго движенія. Большую часть этой рѣчи можно разсматривать, какъ проектъ программы названныхъ круговъ, и я считаю поэтому умѣстнымъ привести ее здѣсь цѣликомъ.

«Товарищи!

«Обращая вниманіе на наше положеніе, мы увидимъ, что всѣ наши страданія происходятъ отъ существующаго экономическаго строя.

«Слѣдовательно, чтобъ улучшить наше положеніе, мы должны стремиться къ замѣнѣ существующаго экономическаго строя, дающаго широкій просторъ для произвольной кулаческой эксплоатаціи, на болѣе лучшій и справедливый соціалистическій строй.

«Но для того, чтобы осуществить на дѣлѣ такой экономическій порядокъ, намъ необходимо пріобрѣсти политическія права, которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ. Пріобрѣсти же политическія права мы будемъ имѣть возможность лишь только тогда, когда на нашей сторонѣ будетъ такая организованная сила, которой правительство не рѣшилось бы отказать въ ея требованіяхъ и которая бы настойчиво требовала отъ него слѣдующихъ уступокъ:

«Во 1-хъ, учрежденія конституціи, основанной на общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, т. е. чтобы всѣ законы страны утверждались и отмѣнялись не по

дикому произволу правительства, а по обсужденіи ихъ высшимъ законодательнымъ собраніемъ, въ которомъ засѣдали бы избранные народомъ депутаты. Выборы въ законодательное собраніе должны производиться народомъ, и каждый гражданинъ страны, кромѣ осужденныхъ за нечестное поведеніе, можетъ выбирать и быть выбираемымъ депутатомъ въ законодательное собраніе. Содержаніе же этихъ депутатовъ должно идти отъ государства и выдаваться имъ на руки въ видѣ жалованья. Это необходимо для того, чтобы депутатами могли быть люди небогатые, но преданные дѣлу народа и вполнѣ способные для этого.

«Во 2-хъ, нужно чтобы число войскъ опредѣлялось собраніемъ депутатовъ, и чтобы по ихъ постановленію войска во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тотъ же народъ, и что интересы народа солидарны съ ихъ интересами, нужно сократить, насколько возможно, срокъ военной службы и сдѣлать такъ, чтобы граждане отбывали ее на родинѣ и во время отбыванія ея имѣли бы возможность вести тѣсныя сношенія съ семьей. Тогда солдаты, сознавая свою солидарность съ народомъ, не рѣшатся никогда идти во вредъ ему. Это необходимо для того, чтобы правительство не имѣло возможности принуждать гражданъ силою войскъ исполнять законы, не утвержденные или отмѣненные собраніемъ депутатовъ. Для того же, чтобы всѣ постановленія законодательнаго собранія исполнялись въ точности, необходимо, чтобы лица на всѣ высшія государственныя должности назначались и смѣщались только собраніемъ депутатовъ.

«Въ 3-хъ. свободу избирательной агитаціи, свободу

слова и свободу печати, т. е. совершенное отсутствіе всякой цензуры, и чтобы всякій могъ безнаказанно выражать на словахъ или въ печати какія бы то ни было убѣжденія, а также, чтобы не существовало никакихъ залоговъ при изданіи книгъ и журналовъ; это необходимо, чтобы издавать ихъ имѣли возможность и рабочіе.

«Въ 4-хъ, свободу сходокъ и организацій.

«Въ 5-хъ, свободу религіи.

«Въ 6-хъ, безплатное широкое образованіе для народа.

«Въ 7-хъ, чтобы всякаго рода преступленія разбирались судомъ присяжныхъ.

«Не забудьте, товарищи, эти требованія, потому что это первыя и главнѣйшія, которыя мы должны будемъ предъявить правительству при первой возможности, и что только тогда мы будемъ имѣть все то, что изложено въ этихъ требованіяхъ!

«Обладая такими правами, мы можемъ тогда выбрать въ законодательное собраніе такихъ депутатовъ, которые будутъ составлять и утверждать только такіе законы, которые будутъ полезны для большинства народа, а законы, существующіе во вредъ ему, будутъ уничтожать. И такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность перестроить весь существующій экономическій строй на болѣе лучшій и справедливый.

«Картину же этого лучшаго и справедливаго строя я не буду развертывать передъ вами, потому что какъ она ни хороша, но никто не можетъ поручится, что люди съ теченіемъ времени не выдумаютъ лучше, и еще потому, что ознакомиться съ ней можно вполнѣ, прочитавъ брошюру Шефлэ «Сущность соціализма» или романъ Беллами «Черезъ сто лѣтъ».

«Переходною же ступенью къ будущему экономическому строю можетъ служить: національзація земли, то есть, что государство выкупитъ всю землю, находящуюся въ частной собственности, и будетъ отдавать ее въ аренду лицамъ, желающимъ заняться земледѣліемъ, въ такомъ количествѣ, которое они могутъ обработать собственными силами. А для обзаведенія хозяйствомъ, необходимымъ при земледѣліи, и для устройства фабрикъ и заводовъ—рабочимъ, желающимъ работать на артельныхъ началахъ, нужно учредить такой банкъ, который бы выдавалъ нуждающимся рабочимъ ссуды.

«Такимъ образомъ, постепенно улучшая свое положеніе, рабочіе будутъ имѣть возможность дойти до такого благосостоянія, о которомъ въ настоящее время могутъ только мечтать болѣе развитые изъ нихъ.

«Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что для того, чтобы имѣть возможность достигнуть полнаго свѣтлаго будущаго, намъ необходимо прежде всего составить такую организованную силу изъ рабочихъ, сознательно стремящихся къ улучшенію своего положенія, которая могла бы принудить правительство уступить ей политическія права, лишь при полученіи которыхъ мы будемъ имѣть возможность заняться передѣлкой существующаго экономическаго строя.

«Слѣдовательно, въ настоящее время намъ остается только возможность заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которою, надѣюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какія препятствія и угрозы нашего правительства.

«А для того, чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе, намъ необходимо, какъ можно

болѣе, стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ и болѣе энергично дѣйствовать для того, чтобы окружающіе насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ.

«Слѣдовательно, успѣхъ развитія и организаціи рабочихъ зависитъ исключительно отъ нашихъ знаній и нашей энергіи; и потому, товарищи, нашъ долгъ, какъ честныхъ и развитыхъ людей, приготовить изъ себя и изъ подходящихъ для того людей опытныхъ пропагандистовъ и организаторовъ въ соціально-революціонномъ дѣлѣ и энергичныхъ борцовъ за права человѣка и свѣтлаго будущаго».

IV.

Воззрѣнія и требованія, выраженныя въ приведенныхъ рѣчахъ, каждому западно-европейскому рабочему съ развитымъ классовымъ сознаніемъ такъ же ясны, какъ то, что дважды два—четыре. Въ одномъ пунктѣ—я подразумѣваю пунктъ относительно «переходной стадіи»—эти взгляды ниже средняго уровня соціально-политическаго мышленія соціалистическихъ рабочихъ Германіи. А что касается литературной формы рѣчей, то она не совсѣмъ удовлетворительна. Русскій текстъ показываетъ относительную бѣдность въ словахъ (сравнительно съ мыслями), нѣкоторую безпомощность въ способѣ выраженія и т. д.

Но, несмотря на все это, майская демонстрація петербургскихъ рабочихъ является фактомъ, знаменующимъ

приближеніе новой эпохи въ общественно-политической жизни Россіи. Безъ всякаго преувеличенія, ее можно разсматривать, какъ предвѣстникъ новой многообѣщающей фазы въ революціонномъ движеніи самодержавной Россіи.

Всякій, кто знаетъ причины неудачъ нашей народнической интеллигенціи и о ея безплодныхъ поискахъ соціально-политической программы, признаетъ правильность нашей оцѣнки. Мы, конечно, не можемъ вдаваться въ большія подробности въ этой области. Но все же мы должны хотя кратко ея коснуться.

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей русской демократіи издавна состояла въ постоянномъ колебаніи между двумя взаимноисключающимися теченіями идей. Одно изъ нихъ коренится въ стремленіи нашихъ образованныхъ слоевъ къ полному перенесенію европейскихъ формъ жизни на русскую почву, второе—въ страхѣ интеллигенціи предъ «вредными вліяніями» этихъ формъ жизни на соціально-экономическую основу Россіи. Она стремится къ народному образованію, размноженію и распространенію всякаго рода школъ, какъ техническихъ, такъ и научныхъ, она привѣтствуетъ всякій прогрессъ Россіи по части развитія телеграфа и желѣзныхъ дорогъ, она мечтаетъ о политическихъ свободахъ—но, долой развитіе капитализма и да здравствуетъ сельская община во что бы то ни стало! Несомнѣнно, «народники»—искренніе друзья народной свободы—и все же ихъ не пугаетъ продолжительное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Такимъ путемъ они думаютъ предохранить цѣлость сельской общины отъ разлагающаго вліянія быстро развивающагося денеж-

наго хозяйства, а тѣмъ самымъ спасти Россію отъ капитализма и отъ пролетаризированія народныхъ массъ. Въ этомъ, полномъ противорѣчій ходѣ мыслей интеллигенціи лежитъ главный логическій источникъ всѣхъ ея политическихъ неудачъ, имъ объясняется пестрый, хаотическій характеръ ея соціально-политическаго круга представленій.

Стремленіе нашей демократіи во что бы то ни стало сохранить аграрную общину и мелкое крестьянство дѣлаетъ ее слѣпой по отношенію къ могучему экономическому росту Россіи за послѣднія тридцать лѣтъ и препятствуетъ ей еще и теперь признать и вполнѣ оцѣнить политическое значеніе того факта, что въ этой странѣ образовался многочисленный классъ пролетаріевъ. И такъ какъ она, благодаря своимъ народническимъ тенденціямъ и своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ, съ промышленной и торговой буржуазіей ужъ никакъ не можетъ солидаризироваться, то она обречена на роль группы изолированныхъ идеологовъ. И соотвѣтственно своимъ соціально-политическимъ взглядамъ она и понимаетъ, по крайней мѣрѣ, понимала борьбу за политическія свободы, какъ дѣло, касающееся только «образованнаго общества», но не имѣющее прямого отношенія къ интересамъ широкихъ народныхъ массъ.

Выше мы сказали, что русская демократія мечтаетъ о политической свободѣ. Но это замѣчаніе вѣрно лишь отчасти. Ея страсть идеализировать соціально-экономическія «особенности» Россіи и ея страхъ предъ «капиталистическимъ прогрессомъ» вносятъ путаницу и въ ея принципіальное отношеніе къ политическимъ вопросамъ. Бакунизмъ, практическое отрицаніе

его, бланкизмъ, «народническій» абсолютизмъ[1]), боязливый, расплывчатый либерализмъ, затѣмъ всякаго рода неразработанныя эклектическія комбинаціи частей различныхъ теорій и программъ—таковы этапы, обозначающіе не путь, а направленіе, по которому блуждало политическое мышленіе нашей интеллигенціи въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ.

Партія «Народной Воли», образовавшаяся въ 1879 г., вначалѣ объявила цѣлью своей дѣятельности—завоеваніе конституціи для Россіи. Но съ точки зрѣнія специфическаго «русскаго соціализма», такая дѣятельность являлась измѣной «дѣлу народа». Парламентаризмъ означаетъ господство буржуазіи, стало быть, разрушеніе аграрной общины—достаточное, по мнѣнію народниковъ, основаніе для того, чтобы его ненавидѣть.

Что парламентаризмъ есть худшее несчастіе, какое можетъ приключиться русскому народу, думали не только правовѣрные бакунисты, но въ глубинѣ души и большинство сторонниковъ, даже выдающихся членовъ «Народной Воли». Только марксизмъ могъ дать ключъ къ разрѣшенію этихъ кажущихся противорѣчій. Но во времена «Народной Воли» мы въ Россіи почти ничего не знали о примѣненіи марксизма въ политикѣ, а противъ его философско-историческихъ воззрѣній, о которыхъ мы, впрочемъ, также имѣли лишь очень смутное представленіе, мы упирались и руками, и ногами. А чтобы разрывъ «Народной Воли» съ практическими выводами изъ ученій «русскаго соціализма»

---

[1]) Одинъ изъ нашихъ честнѣйшихъ и искреннѣйшихъ писателей, В. В., проповѣдывалъ царю своего рода коалицію съ „народомъ“ противъ ихъ общаго врага: буржуазіи и либерализма.

не являлся разрывомъ съ соціализмомъ вообще, надо было перекинуть какой-нибудь мостъ между этими ученіями и дѣятельностью новой партіи. И послѣ разныхъ попытокъ этотъ мостъ дѣйствительно былъ созданъ. Революціонная интеллигенція должна захватить диктатуру и совершить посредствомъ ея соціальный (т. е. соціалистическій) переворотъ—это стало паролемъ «Народной Воли». Предстоящее крушеніе абсолютизма превращалось такимъ образомъ изъ предпосылки для соціальнаго освобожденія рабочихъ массъ въ непосредственный рычагъ для этого освобожденія.

Замѣчательно, что, какъ боевой пароль, соціально-революціонная диктатура съ особенной силой и жаромъ пропагандировалась революціонными элементами какъ разъ въ то время, когда уже началось ослабленіе и истощеніе ихъ силъ. И все же въ основаніи этого пароля лежала вѣра во всемогущество интеллигенціи, которой стоитъ только пожелать, чтобы собственными силами преобразовать однимъ ударомъ весь общественный порядокъ соотвѣтственно своимъ идеаламъ. Но именно поэтому пропаганда диктаторскихъ фантазій неспособна была даже сыграть роль иллюзіи, хоть на мигъ возбуждающей энтузіазмъ. Она скорѣе дѣйствовала отуманивающимъ образомъ на революціонные элементы, сдѣлавши ихъ на много лѣтъ неспособными къ самокритикѣ и къ тому, чтобы искать себѣ новыхъ союзниковъ.

Правда, въ теченіе второй половины прошлаго десятилѣтія въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи возникло стремленіе вовлечь въ борьбу съ царизмомъ новые общественные элементы. Но оно проявилось лишь въ

формѣ новой еще болѣе безплодной и даже болѣе вредной иллюзіи, чѣмъ указанная выше. Прежняя иллюзія имѣла революціонную тенденцію, а новая—либеральную. Но надо замѣтить—либеральную не въ томъ смыслѣ, что представители этой интеллигенціи стремились примкнуть къ промышленной и торговой буржуазіи и обосновать свою политическую программу съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ этого класса. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, восьмидесятыхъ годовъ и это едва-ли принесло бы какой-нибудь существенный результатъ для политической борьбы. Буржуазія добровольно носила ярмо бюрократіи по той простой причинѣ, что царское правительство дѣлало въ ея интересахъ все, что могло. Но, какъ уже замѣчено, мысль о томъ, чтобы тѣсно связать политику съ соціально-экономическими интересами среднихъ классовъ народа, до сихъ поръ совершенно чужда нашей либеральствующей интеллигенціи. Ея «либерализмъ» проявилъ себя весьма своеобразно.

Радикализмъ нашихъ стремленій — резонируютъ нѣкоторые изъ болѣе старыхъ и болѣе молодыхъ представителей демократической «интеллигенціи»—оторвалъ насъ отъ «общества» (читай: образованныхъ и прочихъ свободомыслящихъ слоевъ среднихъ и высшихъ классовъ) и тѣмъ самымъ осудилъ насъ на политическое безсиліе. Мы должны вступить въ ряды общества и вмѣстѣ съ этимъ обществомъ, какъ одна изъ его составныхъ частей, снова начать борьбу съ абсолютизмомъ на болѣе широкой основѣ. А для этой цѣли мы прежде всего должны оставить соціализмъ въ сторонѣ (конечно, только [?] до низверженія абсолютизма и

введенія конституціи) и заботиться лишь о завоеваніи политическихъ свободъ.

Эти добрые люди упускали при своихъ разсужденіяхъ два обстоятельства изъ виду: во-первыхъ, что, несмотря на соціалистическій флагъ, подъ которымъ развивалось наше революціонное движеніе, «либеральное общество» довольно-таки откровенно выражало въ прессѣ и въ земствахъ свои оппозиціонно-политическія пожеланія въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Да, болѣе того! Революціонные элементы вообще не были бы въ состояніи развить такую дѣятельность, какъ 12—15 лѣтъ тому назадъ, если бы либеральные слои общества не относились къ ней сочувственно! Во-вторыхъ, они забывали, что по различнымъ причинамъ—нѣкоторыхъ изъ нихъ мы бѣгло коснулись выше—либерализмъ, какъ послѣдовательное враждебное соціализму соціально-политическое направленіе, имѣетъ въ Россіи сравнительно очень мало представителей. Настоящихъ либераловъ мы среди «образованныхъ» круговъ встрѣчаемъ лишь очень немного. Идеологическіе и вообще политически просвѣщенные представители этихъ круговъ въ большинствѣ, вѣроятно, даже въ огромномъ большинствѣ своемъ, и не хотятъ считать себя либералами; они предпочитаютъ украшать себя именемъ «соціалистовъ» и совершенно искренне думаютъ, что они прониклись соціалистическими идеями. Но подъ внѣшней оболочкой «русскаго соціализма» скрывается гораздо больше мелко-буржуазно-демократическихъ, чѣмъ современно-соціалистическихъ тенденцій.

Но если не страхъ предъ соціализмомъ, то въ чемъ же причина политической пассивности такъ называе-

маго либеральнаго общества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ либеральный писатель: «исходъ террористической борьбы», сказалъ онъ, «показалъ намъ, какъ слабы революціонеры на самомъ дѣлѣ, а это сознаніе и создавало въ насъ чувство безпомощности и безсилія по отношенію къ реакціи». Слѣдовательно, какъ только либералы увидѣли, что за «Народной Волей» нѣтъ никакой силы, то они перестали выражать и свои оппозиціонныя стремленія; ибо они сами чувствуютъ себя почти столь же изолированно, а по отношенію къ народу такъ же чуждыми, какъ и революціонная интеллигенція. Разница между этими двумя частями оппозиціи состоитъ скорѣе въ различіи темперамента, общественнаго положенія и образа жизни ихъ элементовъ, чѣмъ въ ихъ принципіальныхъ воззрѣніяхъ. И если раствореніе революціонной интеллигенціи въ «либеральномъ обществѣ» было бы возможно, то результатомъ этого было бы превращеніе первыхъ въ мирныхъ подданныхъ, которые были бы не прочь покритиковать правительство въ дружеской бесѣдѣ за чашкой чая, но во всемъ остальномъ съ овечьею покорностью ждали бы того момента, когда имъ было бы дозволено дѣлать оппозицію.

Мы пощадимъ читателя и не станемъ болѣе прослѣживать блужданія нашей интеллигенціи въ соціально-политической области. Мы ограничимся констатированіемъ того факта, что она потеряла свою прежнюю революціонную вѣру, не пріобрѣвши и какой-либо другой. Ея соціально-политическій инвентарь состоитъ изъ эклектической смѣси различныхъ дозъ народничества, либерализма и даже антипатичныхъ ей уче-

ній соціалъ-демократіи. Такая духовная пища не способна, разумѣется, возбуждать энергію и энтузіазмъ. И какъ она могла бы это сдѣлать? «Политика» и соціализмъ до сихъ поръ еще составляютъ для нашихъ «тоже-соціалистовъ» внутреннее неразрѣшимое противорѣчіе. Чтобы вполнѣ серьезно посвятить себя первой, надо, съ ихъ точки зрѣнія, спрятать соціализмъ въ карманъ, по крайней мѣрѣ, на время. И наоборотъ, вопросъ: какимъ образомъ политическая борьба перейдетъ изъ чисто идеологической стадіи, въ какой она до сихъ поръ находится, въ движеніе, непосредственно опирающееся на соціальные интересы широкихъ слоевъ народа,—для интеллигенціи все еще остается неразрѣшимой загадкой.

Вернемся теперь къ нашей темѣ. Празднованіе перваго мая въ 1891 году въ Петербургѣ и рѣчи рабочихъ указываютъ путь къ рѣшенію этой загадки. На арену освободительной борьбы противъ царизма выступаетъ соціальный факторъ, далеко превосходящій интеллигенцію, какъ по силѣ, такъ и по своему пониманію соціально-политическихъ условій и отношеній. Уже въ первой своей манифестаціи передовые русскіе рабочіе выражаютъ взгляды и выставляютъ требованія, совершенно свободные отъ тѣхъ недостатковъ, которыми все еще страдаетъ соціально-политическое міросозерцаніе интеллигенціи. Наша пролетарская интеллигенція, съ самаго начала своего появленія на поле борьбы, оказывается насквозь пропитанной «западно-европейскимъ» духомъ. Въ сравненіи съ аграрными стремленіями народниковъ, даже самый слабый пунктъ въ приведенной выше программной рѣчи, пунктъ относительно «переходной ступени», представляетъ со-

бой шагъ впередъ, ибо формулированныя въ немъ требованія могутъ по своей тенденціи содѣйствовать процессу европеизаціи Россіи, а не задерживать его.

Противоположность въ направленіи соціально-политической мысли только-что народившейся рабочей интеллигенціи и такъ называемой «интеллигенціи» особенно ясно обнаруживается въ отношеніи той и другой къ международной соціалъ-демократіи и къ ея ученію. Тогда какъ интеллигенція всегда питала антипатію къ современному соціализму и соціалъ-демократіи и даже не придавала (для Россіи) особеннаго значенія рабочему движенію, какъ продукту «капиталистическаго прогресса»,—авангардъ русскаго пролетаріата становится, уже при первыхъ своихъ шагахъ, на почву ученія соціалъ-демократіи и съ воодушевленіемъ слѣдитъ за освободительной борьбой своихъ «западно-европейскихъ братьевъ». Вниманіе интеллигенціи сосредоточивалось на «особенностяхъ» Россіи, которыя она идеализировала (конечно, за исключеніемъ бюрократическаго режима), желая предохранить свою родину отъ «подражанія западно-европейской цивилизаціи»; напротивъ, наши рабочіе подчеркиваютъ общность своихъ цѣлей и интересовъ съ цѣлями и интересами своихъ западно-европейскихъ братьевъ и выдвигаютъ «особенности» своего отечества только съ критической цѣлью, чтобы доказать необходимость замѣны ихъ европейскими общественными формами. Отсюда и вытекаетъ ихъ ясное пониманіе отношенія «политики» къ ихъ соціальнымъ интересамъ и къ «соціализму». Нашимъ интеллигентнымъ рабочимъ и въ голову не приходитъ противопоставлять эти вещи, какъ взаимно-исключающіяся. Они (см. третью рѣчь) называютъ по-

литическую свободу «частицей счастья», завоеванной «нашими братьями», западно-европейскими рабочими, въ тяжелой борьбѣ; всѣ ораторы на первомайскомъ праздникѣ единодушно подчеркиваютъ необходимость и для русскаго пролетаріата завоевать себѣ «политическія права». Характерно, что программная рѣчь не содержитъ никакихъ требованій въ области фабричнаго законодательства, хотя устроители петербургскаго майскаго праздника знаютъ о борьбѣ западно-европейскаго пролетаріата на этой почвѣ. Всѣ ихъ стремленія направлены пока что на завоеваніе политическихъ гарантій, но ихъ мышленіе и дѣятельность не опредѣляются при этомъ случайными оппортунистическими стремленіями, а общимъ представленіемъ о соціалистическомъ движеніи, какъ о сознательной освободительной борьбѣ пролетаріата, которому приходится пройти въ этой борьбѣ рядъ различныхъ ступеней развитія. Готовясь къ борьбѣ за «конституцію», русскіе передовые пролетаріи проникнуты сознаніемъ, что они, какъ товарищи своихъ «западно-европейскихъ братьевъ» по борьбѣ, работаютъ вмѣстѣ съ ними для торжества соціалистическихъ стремленій.

Выше я уже указалъ, что начинающееся теперь рабочее движеніе въ Россіи есть въ конечномъ счетѣ общій продуктъ интеллектуальнаго движенія среди народныхъ массъ этой страны и освободительной борьбы западно-европейскаго, въ особенности нѣмецкаго, пролетаріата. Выступленіе петербургскихъ рабочихъ есть наиболѣе революціонное выраженіе умственнаго и соціальнаго броженія, охватывающаго все болѣе широкія массы народа. Поэтому революціонные элементы рабочихъ теперь уже не являются больше, какъ

10—12 лѣтъ тому назадъ, случайно отдѣлившейся отъ народной массы и подчиненной интеллигенціи составной частью революціоннаго движенія, а, наоборотъ, самостоятельнымъ, изъ народа вышедшимъ революціоннымъ факторомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рабочей интеллигенціей, тѣсно и органически связанной съ своимъ классомъ, вполнѣ сознавшей свой долгъ по отношенію къ угнетеннымъ массамъ. Этимъ дана одна изъ важнѣйшихъ предпосылокъ для созданія политическаго броженія въ этихъ массахъ, а самодержавіе уже съ своей стороны сдѣлаетъ все остальное, чтобы, по возможности, облегчить передовому отряду русскихъ рабочихъ вербовку солдатъ для революціонной арміи.

Скоро десять лѣтъ, какъ изъ среды народниковъ и бакунистовъ выдѣлилась группа русскихъ соціалъ-демократовъ, которая, правда, носилась вначалѣ съ мыслью направить «Народную Волю» на путь современнаго соціализма и тѣмъ спасти ее отъ угрожавшей гибели. За это блаженной памяти Тихомировъ и его тогдашніе сторонники обвиняли группу въ «конституціонализмѣ» и въ другихъ преступленіяхъ. Впослѣдствіи ей дѣлали обратный упрекъ, что она изъ-за чистаго доктринаризма—противница борьбы за конституцію [1]).

Въ послѣднее время противъ русскихъ соціалъ-де-

[1]) И все же въ ея программѣ ясно сказано, что „непосредственной задачей теперешняго освободительнаго движенія является завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій", и что главная дѣятельность „соціалистической интеллигенціи" должна сосредоточиться на агитаціи „въ пользу демократической конституціи".

мократовъ подымается съ нѣкоторыхъ сторонъ упрекъ въ томъ, что они въ высшей степени «односторонни» въ своей оцѣнкѣ политическаго значенія различныхъ общественныхъ слоевъ Россіи. Въ своемъ «марксистскомъ» ослѣпленіи они такъ далеко идутъ, что только рабочихъ признаютъ политической силою, но совершенно не признаютъ таковою крестьянъ и «образованныхъ слоевъ». Болѣе того, они даже «запрещаютъ» «соціалистической интеллигенціи» отдавать свои силы на пропаганду въ другихъ кругахъ общества, кромѣ рабочей среды.

Первыя два обвиненія слишкомъ абсурдны, чтобы опровергать ихъ въ нѣмецкомъ соціалъ-демократическомъ органѣ. Но во избѣжаніе недоразумѣній среди нѣмецкихъ товарищей, я считаю умѣстнымъ кратко возразить противъ упрековъ послѣдняго рода.

Что русскіе соціалъ-демократы всегда признавали значеніе энергичной либеральной оппозиціи, можно видѣть уже изъ изданной ими брошюры Плеханова: «Соціализмъ и политическая борьба». Въ этомъ произведеніи совершенно ясно указывается на чрезвычайную важность такой «самостоятельной общественной» оппозиціи. Спрашивается только, что съ своей стороны можетъ сдѣлать революціонная интеллигенція, чтобы вызвать къ жизни такое движеніе. И отвѣтъ соціалъ-демократовъ гласитъ: прежде всего и главнымъ образомъ въ томъ, чтобы разночинная интеллигенція весь свой энтузіазмъ и всѣ свои силы употребила бы на агитацію среди народныхъ массъ противъ бюрократически-самодержавнаго государственнаго строя. И очевидно, что уже по малочисленности своей революціонные представители интеллигенціи должны

ограничивать свою дѣятельность, главнымъ образомъ, тѣми слоями народа, которые всего болѣе доступны ихъ вліянію и успѣшнѣе всего могутъ повести борьбу съ правительствомъ. А такимъ народнымъ элементомъ является именно рабочее населеніе большихъ городовъ, т. е. тѣхъ центровъ, въ которыхъ должны произойти рѣшительныя сраженія между абсолютизмомъ и его противниками. Лишь подъ вліяніемъ массоваго движенія въ этихъ центрахъ недовольство въ деревнѣ и его разнообразныя проявленія пріобрѣтутъ непосредственное политическое значеніе. Словомъ, соціалъ-демократы усматриваютъ въ выступленіи рабочихъ на арену политической борьбы тотъ рычагъ, который приведетъ въ движеніе всѣ остальныя оппозиціонныя силы Россіи.

Казалось бы, что эта точка зрѣнія должна быть понятна и тѣмъ, которые не считаютъ нужнымъ теперь уже задумываться объ основныхъ цѣляхъ и интересахъ революціонной демократіи и пролетаріата. Цѣлесообразность пути, рекомендуемаго интеллигенціи соціалъ-демократами, для созданія «регулярной арміи» въ цѣляхъ борьбы съ абсолютизмомъ понятна уже съ узкой точки зрѣнія непосредственнаго успѣха этой борьбы. Но какъ разъ въ прошломъ десятилѣтіи пессимистическое отношеніе интеллигенціи къ политической пригодности рабочихъ было обратно пропорціонально ея представленію о себѣ самой. И вотъ теперь передовой отрядъ русскихъ рабочихъ самъ выступаетъ на политическую арену и тотчасъ же обнаруживаетъ даже бо́льшую степень пониманія соціально-политическихъ условій и отношеній, чѣмъ «интеллигенція». Будемъ надѣяться, что въ виду пер-

омайскихъ рѣчей петербургскихъ рабочихъ она со-
наетъ свои ошибки и поспѣшитъ отдать свои силы
ъ распоряженіе новымъ борцамъ. Сліяніе обоихъ
тихъ элементовъ въ единую политическую армію при-
сдетъ къ необычайному подъему нашего движенія и
аправитъ его по совершенно новымъ путямъ. Мы по-
тому считаемъ себя въ правѣ смотрѣть на петербург-
кую майскую манифестацію, какъ на предвѣстникъ
ѣшительнаго поворота въ освободительной борьбѣ
'оссіи отъ оковъ азіатскаго абсолютизма. И если на-
шимъ ожиданіямъ суждено оправдаться, то день меж-
ународной рабочей манифестаціи въ Россіи будетъ
мѣстѣ съ тѣмъ праздноваться въ знакъ памяти на-
шего революціоннаго движенія и присоединенія рус-
кихъ пролетаріевъ къ освободительной арміи ихъ за-
адно-европейскихъ братьевъ.

Революціонныя силы Россіи прежде и теперь.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Марксъ и Энгельс[ъ] слѣдующимъ образомъ высказались о силѣ революціоннаго движенія въ Россіи: «Теперь царь—военноплѣнный революціи въ Гатчинѣ, и Россія представляет[ъ] собой передовой отрядъ революціоннаго движенія в[ъ] Европѣ». Въ то время, когда писались эти строки, он[ѣ] никому не могли казаться преувеличеніемъ. Правда движеніе уже пережило тогда свой апогей и пошл[о] уже на убыль; но вся Европа все еще находилась под[ъ] непосредственнымъ впечатлѣніемъ героической борьб[ы] партіи «Народной Воли» противъ абсолютизма. Е[я] остатки все еще держали въ страхѣ русское прав[и]тельство, а оппозиціонные элементы Россіи все ещ[е] питали надежды на скорое возрожденіе революціонно[й] борьбы съ еще большей энергіей.

Къ сожалѣнію, ближайшій періодъ показалъ, на[с]колько неосновательны были эти надежды. Къ конц[у] прошлаго десятилѣтія революціонное движеніе, каз[а]лось, совершенно исчезло съ поверхности русско[й] жизни. Оно оставило лишь слабое воспоминаніе посл[ѣ] себя, съ каждымъ годомъ становившееся все блѣд[]нѣе. Этотъ фактъ, дѣйствительно способный навест[и] крайнее уныніе, естественно создавалъ пессимистиче-

кое настроеніе, моральный Katzenjammer въ демокраических кругахъ Россіи. И само собою разумѣется, что реакціонныя силы Россіи и Европы не сомнѣвались въ томъ, что революціонная «гидра» въ самодержавной имперіи окончательно уничтожена.

Но въ то время, когда представители абсолютизма наслаждались своей побѣдой надъ революціонерами, исторія продолжала свою революціонную работу съ возобновленной энергіей. Но она оставила полныя свѣта и воздуха сферы идеологической интеллигенціи, погрузилась въ глубины экономической и соціальной жизни націи и дѣлала свое дѣло такимъ невиннымъ образомъ, что наихитрѣйшіе изъ обскурантовъ не могли бы догадаться о той дѣйствительной цѣли, къ которой она направлялась. Болѣе того: духъ разрушенія исторіи сумѣлъ всю толпу этихъ обскурантовъ, съ Катковымъ во главѣ, заставить служить себѣ, пользуясь ими, какъ слѣпыми орудіями для своихъ революціонныхъ цѣлей. Надо признать, что при этомъ непосредственные результаты его работы обнаруживались подъ такимъ покровомъ, что каждый гуманный человѣкъ долженъ былъ бы съ отвращеніемъ отъ нихъ отвернуться. И именно это обстоятельство приводило русскую «интеллигенцію» въ полное отчаяніе; но въ такое отчаяніе, которое выражалось не въ дѣйствіяхъ, а скорѣе въ политическомъ индифферентизмѣ или въ безконечныхъ колебаніяхъ между преувеличенными надеждами на историческія случайности, съ одной стороны, и горькими разочарованіями—съ другой. И тѣмъ не менѣе даже изъ-подъ ея отталкивающей оболочки революціонная тенденція теперешней русской жизни проглядываетъ достаточно ясно.

Блескъ и сила революціоннаго движенія шестиде-сятыхъ и семидесятыхъ годовъ имѣли своимъ непо-средственнымъ источникомъ индивидуальную энергію и способность къ самоотверженію небольшого числа борцовъ, вышедшихъ изъ рядовъ учащейся молодежи и вообще демократической интеллигенціи, обществен-ная же среда въ общемъ и цѣломъ вовсе не была революціонною.

Движеніе началось непосредственно послѣ уничто-женія крѣпостного права, когда крестьяне и дворяне составляли главныя соціальныя силы Россіи. Первые прославляли царя, какъ своего освободителя, Богомъ помазаннаго и Богомъ посланнаго; вторые должны были быть довольны, что дешево отдѣлались за всѣ свои многочисленныя историческія преступленія, совер-шенныя противъ народа. Во всякомъ случаѣ револю-ціонныя попытки, заговоры или хотя бы энергическая оппозиція были бы тогда для дворянства болѣе, чѣмъ рискованны. Впрочемъ, къ такой политической роли оно и абсолютно не способно было бы по всему сво-ему прошлому, по всѣмъ своимъ традиціямъ. Оно представляло собою лишь армію императорскихъ слугъ. Такимъ образомъ русская интеллигенція была совер-шенно предоставлена собственнымъ силамъ.

И не одно только это. Такъ какъ источникъ ея стремленій и «идеаловъ» лежалъ не въ родной соціаль-ной почвѣ, а скорѣе въ ея собственномъ антагонизмѣ къ этой почвѣ, то она, чтобы быть въ состояніи высту-пать дѣятельнымъ революціоннымъ факторомъ, должна была какъ можно дальше отъ нея держаться. Энту-зіазмъ и «вѣра» революціонной демократіи Россіи сто-яли въ прямомъ отношеніи къ ея отчужденности отъ

дничныхъ интересовъ повседневной жизни и къ про-
итанной ими соціальной средѣ. Въ этомъ отношеніи
ша интеллигенція представляла собой антиподъ миѳо-
гическому герою древней Греціи, который до тѣхъ
оръ былъ непобѣдимъ, пока онъ прикасался къ матери-
млѣ, изъ которой онъ черпалъ свои силы. Въ про-
ивоположность ему, русская интеллигенція
тавалась непобѣдимой (по крайней мѣрѣ, морально),
ока она сумѣла держаться высоко надъ своей землей,
дъ соціальной дѣйствительностью—ея энергія, ея силы
ли тѣмъ несокрушимѣе, чѣмъ выше она въ состояніи
ла подняться надъ этой дѣйствительностью.

Однако, витаніе въ воздухѣ—слишкомъ неестественное
ложеніе, чтобы въ немъ можно было долго оста-
ться безнаказаннымъ. Со смертью Александра II огра-
ченныя силы революціонной партіи были истощены.
почвѣ и атмосферѣ прогрессивныхъ общественныхъ
кторовъ ея историческій актъ вызвалъ бы соотвѣт-
вующіе плоды; но именно такой атмосферы не было.
этому посреди всеобщей паники и политическаго
дефферентизма правительство и могло обрушиться
яростью дикаго звѣря на тотъ тонкій общественный
ой, изъ котораго рекрутировались солдаты и офи-
ры нашего передового революціоннаго отряда. За
изическимъ пораженіемъ послѣдовало разочарованіе
мократической интеллигенціи, она потеряла вѣру въ
волюцію. Она начала сближаться съ той соціальной
едой, съ которой она кровно связана, какъ на почвѣ
вседневныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ.
ѣстѣ съ тѣмъ въ ней начало исчезать революціон-
е воодушевленіе, даже революціонные инстинкты.

Но... le roi est mort, vive le roi! Только, къ сожа-

лѣнію, новый король часто еще лежитъ въ колыбели не чувствуя, какое ему историческое призваніе предопредѣлено,—между тѣмъ въ странѣ происходитъ въ это время гражданская война, господствуютъ интриги и полнѣйшая анархія. Аналогичную картину представляетъ намъ политическая жизнь Россіи съ того времени, когда наше революціонное движеніе такъ трагически кончилось. Однако, это революціонное междуцарствіе представляетъ собой своеобразный революціонный періодъ, періодъ стихійнаго революціонизирован[ія] нашего соціальнаго фундамента. Вмѣсто сознательна[го] возмущенія противъ существующаго порядка вещей началось разрушеніе его посредствомъ безсознательных[ъ] стихійно дѣйствующихъ, органическихъ силъ общественнаго развитія.

Источникъ этого историческаго процесса лежит[ъ] въ начавшемся послѣ уничтоженія крѣпостного пра[ва] разрушеніи натурально-хозяйственнаго базиса прежн[ей] исторической жизни русскаго народа. Тенденція ж[е] этого процесса заключается въ перемѣщеніи внутре[н]нихъ движущихъ силъ имперіи изъ сферы непосре[д]ственныхъ государственныхъ интересовъ и круговъ [въ] сферу соціальныхъ элементовъ и ихъ потребностей.

Въ теченіе вѣковъ русскій народъ въ высшей ст[е]пени медленно развивался въ экономическомъ, кул[ь]турномъ и соціальномъ отношеніяхъ, тогда какъ расш[и]реніе его государственной организаціи и ростъ ея п[о]требностей совершались съ чрезвычайной энергіе[й]. Это несоотвѣтствіе между развитіемъ государства [и] общества привело къ тому, что интересы и потребнос[ти] перваго пріобрѣли значеніе абсолютно господствующ[ей] надъ націей силы, народъ же, отъ самыхъ низшихъ

самыхъ высшихъ его слоевъ, оставался покорнымъ матеріаломъ въ рукахъ правительства. Въ исторіи западныхъ странъ нѣтъ примѣра такого недостатка въ общественныхъ и историческихъ движущихъ силахъ и такого медленнаго хода экономическаго и культурнаго развитія, какъ въ Россіи. Здѣсь не мѣсто для подробнаго разсмотрѣнія причинъ этого явленія. Для насъ достаточно установить, что оно бросаетъ лучъ свѣта, съ одной стороны, на изолированность идеалогическихъ круговъ Россіи, а съ другой—на историческое значеніе важнѣйшихъ фактовъ теперешней русской жизни.

Переходъ Россіи къ денежному хозяйству начался подъ одновременнымъ и параллельнымъ дѣйствіемъ освобожденія крестьянъ и сооруженія желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, банковъ, словомъ—капиталистическихъ средствъ транспортированія и обращенія товаровъ. Результатомъ этого было быстрое вовлеченіе русскаго народа въ сѣть міровыхъ сношеній, обнимающую капиталистическія націи, ускоренное разрушеніе старыхъ экономическихъ основъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленная дифференціація народныхъ массъ, возникновеніе новыхъ соціальныхъ элементовъ и интересовъ и, въ связи съ ними, новыхъ, сложныхъ, экономическихъ, культурныхъ и государственныхъ задачъ, толкающихъ впередъ народъ и правительство,—задачъ, увеличивающихъ силы, энергію и самодѣятельность общества на счетъ государства.

Старая Россія знала лишь, съ одной стороны, ничтожное меньшинство привилегированныхъ, а съ другой—экономически и культурно слабо дифференцированныя народныя массы, такъ называемый «народъ»,

считавшій «господами» всѣхъ, кто только имѣлъ европейскую внѣшность, вплоть до канцелярскаго писаря и нуждающагося студента. Теперь этотъ «народъ» самъ распался на слои съ противоположными интересами. Въ деревнѣ мы прежде всего находимъ настоящую сельскую буржуазію, состоящую изъ ростовщиковъ, купцовъ, кабатчиковъ и вообще изъ людей, занимающихся различными промыслами; затѣмъ слѣдуетъ слой «хозяйственныхъ», «умственныхъ», т. е зажиточныхъ крестьянъ; а за этими элементами сельскаго населенія, какъ его самый низшій слой, выступаетъ многочисленный классъ полу-и совсѣмъ пролетарскихъ элементовъ.

Съ подобной же соціально-экономической дифференціацией мы встрѣчаемся и въ городѣ. Но здѣсь во главѣ буржуазіи мы видимъ желѣзно-дорожныхъ и биржевыхъ королей, банкировъ, крупныхъ фабрикантовъ и купцовъ. Въ «старое доброе время» крупная буржуазія состояла изъ бородатыхъ купцовъ, одѣтыхъ въ древнюю русскую одежду, обогащавшихся примитивнымъ восточнымъ путемъ, грубыхъ и безцеремонныхъ по отношенію къ низшимъ, подобострастныхъ и боязливыхъ по отношенію къ высшимъ. Въ этихъ «высшихъ» они видѣли въ каждомъ дворянинѣ и чиновникѣ, хотя бы это былъ не болѣе, какъ столоначальникъ или полицейскій приставъ.

Современная крупная буржуазія рѣзко отличается отъ своей предшественницы по своимъ источникамъ обогащенія, но еще болѣе—по своему соціальному значенію и общественному вліянію. И она вполнѣ сознаетъ свое значеніе и, соотвѣтственно этому, держится нез

висимо не только по отношенію къ представителямъ средней, но и высшей бюрократіи.

За этимъ классомъ слѣдуетъ средній слой буржуазіи, фабриканты и купцы, всей тяжестью своей давящей на многочисленную массу мелкихъ лавочниковъ, ремесленниковъ, а особенно рабочихъ. Естественно, что рука объ руку съ этой соціальной дифференціаціей идетъ интенсивное развитіе противоположности интересовъ и потребностей между различными торгово-промышленными областями и центрами имперіи.

Къ этому присоединяется еще возникшее съ теченіемъ времени колоссальное несоотвѣтствіе между запросами всемірнаго рынка къ сельскому хозяйству, съ одной стороны, и его еще примитивнымъ состояніемъ въ Россіи,—съ другой, – хотя послѣднее и составляетъ ея финансовую и экономическую основу. Это несоотвѣтствіе усиливается и обостряется необычайнымъ обремененіемъ податями главнаго носителя нашего сельскаго хозяйства, крестьянства, и его безпрерывнымъ и безпомощнымъ состояніемъ какъ по отношенію къ государству, такъ и по отношенію къ кулакамъ и эксплоататорамъ всякаго рода. Затѣмъ—истощеніе почвы, благодаря хищническому способу хозяйства, опустошеніе лѣсовъ и связанное съ этимъ расширеніе площади сыпучихъ песковъ, изсяканіе источниковъ, ухудшеніе климата, наконецъ, растущее противорѣчіе между потребностями и интересами государства и общества, созданными успѣхами капитализма внутри и экономическимъ давленіемъ капиталистическихъ націй извнѣ, съ одной стороны, и унаслѣдованной отъ истекшаго историческаго періода бѣдностью культурныхъ и технически-хозяйственныхъ средствъ для ихъ удовле-

творенія—съ другой. Принимая во вниманіе всѣ эти явленія въ связи съ указаннымъ выше развитіемъ соціальной дифференціаціи, намъ не трудно будетъ представить себѣ, хотя бы въ общихъ чертахъ, объемъ и сложность задачъ, все настоятельнѣе выдвигающихся предъ русскимъ народомъ. Я говорю: «предъ русскимъ народомъ»; ибо всѣ эти задачи носятъ не только непосредственно общественный характеръ и не только непосредственно обусловливаются стихійнымъ развитіемъ общества, но и совсѣмъ не могутъ быть разрѣшены безъ его иниціативы и активнаго вмѣшательства.

По ироніи исторіи, именно время правленія Александра III, «укротителя революціоннаго дракона», оказалось самымъ подходящимъ моментомъ для обнаруженія намѣченной тенденціи новѣйшаго развитія Россіи. Именно при этомъ царѣ, серьезно считавшемъ себя Богомъ благословленнымъ спасителемъ поколебавшагося абсолютизма, болѣе чѣмъ когда-либо проявилось неудержимое стремленіе русской націи къ освобожденію отъ оковъ самодержавія. Самое интересное при этомъ то, что само правительство многократно обращалось къ помощи представителей промышленности, торговли, биржъ и другихъ круговъ и тѣмъ самымъ—нерѣдко открыто высказавши это устами какого-нибудь министра—оффиціально констатировало свое безсиліе разрѣшить бюрократическими средствами все нароставющіе вопросы и задачи. Далѣе: стремленіе и дѣятельность покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ, Толстого, Побѣдоносцева и прочихъ интимныхъ совѣтниковъ Александра III были направлены на то, чтобы воздвигнуть распространенію образованія въ народѣ непреодолимую преграду. А между тѣмъ его царствованіе харак-

теризуется именно большими успѣхами элементарнаго образованія среди народныхъ массъ, прогрессивно увеличивающимся стремленіемъ этихъ массъ къ просвѣщенію и растущей потребностью среднихъ классовъ въ удовлетвореніи этого стремленія. И не только какіе-нибудь демократическіе мечтатели, но даже такіе соціальные круги, органомъ которыхъ считается «Новое Время», обнаруживали эту потребность. Наконецъ, мы видимъ, что даже вопросъ о всеобщемъ обязательномъ народномъ образованіи становится главнымъ предметомъ публичнаго обсужденія.

Нѣкоторые читатели, особенно русскіе, поставятъ, быть можетъ, вопросъ: но что же общаго имѣетъ это съ «революціей»? Въ чемъ собственно проглядываетъ здѣсь революціонная тенденція?

Такихъ читателей мы просимъ принять во вниманіе слѣдующія соображенія.

Какъ уже выше замѣчено, главнымъ движущимъ историческимъ факторомъ старой Россіи являлась національная борьба за международное могущество государства. Эта борьба вела къ европеизаціи—въ рамкахъ абсолютизма—государства и требовала напряженія національныхъ силъ до крайняго предѣла. А это создало колоссальное несоотвѣтствіе между постоянно увеличивающимися государственными потребностями и черепашьимъ ходомъ экономическаго развитія страны. Соціально-экономическая отсталость страны становилась въ концѣ концовъ опасной и для самого государства. Это вынудило царизмъ нанести первый ударъ главной цитадели соціально-экономическаго застоя Россіи—взять на себя иниціативу отмѣны крѣпостного права. Этимъ открывается эпоха, характеризующаяся прежде

всего перемѣщеніемъ движущихъ историческихъ силъ изъ высшихъ сферъ чисто государственныхъ интерсовъ въ сферы прозаическихъ интересовъ и плебейскихъ соціальныхъ силъ націи. Для народа, не пережившаго эпохи феодальнаго развитія, не знавшаго ни независимаго вліятельнаго дворянства, ни сильно развитой городской жизни, для народа, который въ извѣстномъ смыслѣ непосредственно перешелъ изъ примитивнаго соціально-экономическаго состоянія подъ владычество восточнаго абсолютизма и въ общемъ и цѣломъ развивался лишь подъ давленіемъ примитивныхъ интересовъ борьбы за свое государственное существованіе,—для такого народа намѣченная выше эволюція уже сама по себѣ составляетъ революцію.

Съ этой же точки зрѣнія охарактеризованныя въ общемъ явленія послѣднихъ десятилѣтій въ соціальной жизни Россіи имѣютъ вполнѣ революціонный характеръ и непосредственно революціонное значеніе. Они показываютъ, что старое соотношеніе между государствомъ и обществомъ въ Россіи совершенно подорвано и все больше превращается въ свою противоположность. Русское общество переросло свое государство, которое подъ его давленіемъ превращается изъ силы, толкающей націю по своему желанію, въ факторъ, движимый націей.

Но сказаннымъ далеко еще не исчерпывается революціонная тенденція новѣйшаго развитія Россіи. Дѣло въ томъ, что оно порождаетъ у насъ вполнѣ современное, пролетарски-демократическое движеніе еще до того, какъ мы справились съ абсолютизмомъ.

Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ революціонный напоръ буржуазіи противъ феодально-

абсолютистскаго порядка былъ тѣмъ факторомъ, который встряхнулъ народныя массы изъ ихъ вѣкового сна и въ извѣстномъ смыслѣ послужилъ прологомъ къ ихъ выступленію на историческую сцену. Но въ этомъ отношеніи перспективы народныхъ массъ въ Россіи, повидимому, не особенно благопріятны. Скорѣе, напротивъ.

То обстоятельство, что Россія вступила въ эпоху денежнаго хозяйства въ такое время, когда капитализмъ на Западѣ достигъ своего высшаго расцвѣта, создало у насъ такую солидарность интересовъ государственной власти и торговопромышленной буржуазіи, что для устраненія важнѣйшихъ препятствій на пути своего развитія послѣдней совсѣмъ не было надобности рисковать на серьезную борьбу съ правительствомъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, уже знакомымъ намъ изъ исторіи старой Россіи. Необходимость поставить военныя силы и управленіе государствомъ на европейскую основу побуждала государственную власть заботиться о поднятіи соціальнаго и культурнаго уровня «служилыхъ людей». Эта же необходимость привела къ раскрѣпощенію дворянства, къ превращенію его въ свободное привилегированное сословіе. Базисомъ и средствомъ для этого послужило расширеніе и обостреніе крѣпостного права. Но именно поэтому дворянство потеряло почву и жизненный интересъ для смѣлой оппозиціи государственной власти.

Подобная же солидарность интерессовъ самодержавія и торговопромышленной буржуазіи создалась на почвѣ европеизаціи экономической жизни Россіи, начавшейся послѣ крымской войны. Благодаря этой солидарности, нашей буржуазіи достались безъ какихъ

бы то ни было значительныхъ усилій, какъ подарокъ исторіи, нѣкоторыя изъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя западно-европейская буржуазія завоевала лишь долгой и упорной борьбой.

Но теперь, повидимому, намѣчаются такія отношенія, которыя нарушатъ гармонію интересовъ между буржуазіей и правительствомъ [1]). Къ тому же въ средѣ самой буржуазіи развиваются все большія противорѣчія, въ особенности между верхними и средними ея слоями. Предъ этой дифференціацией интересовъ въ рядахъ буржуазіи пасуетъ правительственная мудрость бюрократіи; въ связи съ все уменьшающейся покупательной и податной платежной способностью народныхъ массъ она должна была бы создать среди нашихъ торгово-промышленниковъ оппозиціонное настроеніе. Но, конечно, еще большой вопросъ, поднимется ли этотъ классъ на энергичную оппозицію.

Однако, недостатокъ непосредственно революціонныхъ импульсовъ, которые дала бы народнымъ массамъ такая оппозиція, достаточно уравновѣшивается характеромъ новѣйшаго развитія Россіи. И именно въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, вопросъ о поднятіи культурнаго и умственнаго уровня этихъ массъ становится вопросомъ жизни высшихъ классовъ и государства; во-вторыхъ, еще въ рамкахъ сословно-абсолютистскаго порядка создаются такія противоположности классовыхъ интересовъ, которыя пріобрѣтали рѣшающее значеніе обыкновенно лишь въ позднѣйшихъ историче-

---

[1]) Болѣе подробныя указанія см. въ статьѣ Плеханова „Russland vor einem Regimewechsel", „Neue Zeit", XIII, Band I.—Статья эта недавно переведена на русскій языкъ.

скихъ періодахъ. И если первая тенденція благопріятствуетъ тому, что народныя массы сравнительно рано начинаютъ получать у насъ первоначальное образованіе и достигать относительно высокаго умственнаго развитія, то вторая приводитъ къ тому, что это образованіе и это развитіе становятся непосредственнымъ источникомъ и орудіемъ политическаго пробужденія этихъ массъ, стало быть, оказываетъ на нихъ непосредственно революціонное дѣйствіе. Въ конечномъ счетѣ русскій народъ развивается теперь духовно и политически подъ дѣйствіемъ той же силы, которая толкала Россію впередъ уже въ восемнадцатомъ столѣтіи. Эта сила— западно-европейская цивилизація. Но съ двоякой разницей.

Въ прежніе вѣка несоотвѣтствіе между національно-политическими задачами государственной власти и средствами, находившимися въ ея распоряженіи, создавалось непосредственно подъ давленіемъ военныхъ силъ и средствъ этой цивилизаціи; это несоотвѣтствіе толкало царизмъ впередъ между прочимъ и въ культурномъ отношеніи. И именно поэтому въ сферу европейскаго образованія и культуры вовлекались лишь тѣ соціальные слои, которые принадлежали къ сословію «служилыхъ людей», т. е. землевладѣльческое и чиновное дворянство.

Въ новѣйшій же періодъ экономическое превосходство Запада дѣйствуетъ на все общество непосредственно и все съ большей силой толкаетъ всю русскую націю въ цѣломъ къ возможно быстрому усвоенію европейской культуры и образованія. И какъ раньше совершенствованіе техническихъ средствъ государства въ интересахъ успѣшной конкурренціи съ

Западомъ порождало для него необходимость въ соціальной и культурной европеизаціи дворянства,—такъ теперь насущная потребность въ полной европеизаціи техники торговли, промышленности и сельскаго хозяйства вызываетъ необходимость для буржуазіи и —замѣчательная иронія исторіи!—царизма въ поднятіи умственнаго и культурнаго уровня народныхъ массъ.

Этимъ объясняется то кажущееся противорѣчіе, что какъ разъ въ царствованіе Александра III, когда обскуранты съ такимъ фанатизмомъ преслѣдовали свои цѣли, могла такъ пышно развернуться дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, частныхъ обществъ, организацій и т. д. именно въ области народнаго образованія.

Для иллюстраціи этого мы приведемъ слѣдующее извлеченіе изъ устава одного «комитета для устройства народныхъ чтеній», существующаго въ губернскомъ городѣ Орлѣ. Оно касается устроеннаго комитетомъ склада «дешевыхъ народныхъ изданій»:

«Цѣль этого книжнаго склада: пробудить въ читателѣ чувство достоинства человѣка и гражданина. Для этой цѣли въ складѣ должны быть книги, которыя: 1) знакомятъ читателя съ его обязанностями и правами; 2) указываютъ ему лучшіе пути для защиты своихъ правъ и выполненія своихъ обязанностей; 3) пробуждаютъ въ читателѣ стремленіе защищать свои права и исполнять свои обязанности; 4) знакомятъ читателя съ исторіей общественныхъ учрежденій. Изъ склада слѣдуетъ изъять: книги, развивающія въ читателѣ національные, сословные и религіозные предразсудки и воспитывающія въ немъ мистицизмъ и индифферентизмъ къ общественной жизни. Этотъ книжный складъ долженъ ознакомить

читателя изъ народа съ интеллигенціей, какъ съ общественнымъ авангардомъ, стремящимся ввести такой общественный порядокъ, который содѣйствовалъ бы духовному, моральному и физическому совершенствованію человѣка. Для этой цѣли желательны книги, которыя: 1) ознакомляютъ съ общественными движеніями и съ той ролью, какую интеллигенція въ нихъ играла и играетъ, и 2) описываютъ героевъ и типы изъ интеллигенціи».

Цитата взята нами изъ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя раньше редактировались Катковымъ и теперь еще редактируются въ его духѣ. По поводу устава газета замѣчаетъ: «Подобная духовная пища преподносится читателю— подъ эгидой министерства народнаго просвѣщенія»!..

«И такимъ образомъ этотъ интеллигентный паукъ простираетъ теперь свои сѣти и на сельскія народныя школы».

Такъ какъ представители реакціи очень часто съ гораздо болѣе правильнымъ инстинктомъ угадываютъ тенденцію и значеніе духовныхъ явленій въ жизни народа, чѣмъ представители прогресса и даже «революціи», то мы приведемъ нѣкоторыя характерныя мѣста изъ одной статьи названной газеты. Статья эта носитъ многообѣщающее заглавіе:

«Народное образованіе и развращеніе народа».

«То, что наивная провинціальная газета» (изъ которой взято приведенное выше сообщеніе и которая— Notabene!—выходитъ съ разрѣшенія цензуры) «разболтала о планахъ орловскихъ просвѣтителей, бросаетъ яркій свѣтъ на систему народнаго развращенія, широко примѣняющуюся подъ маской народнаго образованія.

Еще не такъ давно – въ то именно время, которое считается пережитымъ уже періодомъ революціоннаго замѣшательства умовъ—планы и намѣренія, подобныя орловскимъ, формулировались лишь въ тайныхъ программахъ различныхъ кружковъ, цѣль которыхъ состояла въ собственномъ просвѣщеніи и просвѣщеніи всей Россіи. Теперь мы сдѣлали большой шагъ впередъ, и тѣ же самые планы открыто проповѣдуются обществами, оффиціально на то уполномоченными, чтобы вести дѣло народнаго просвѣщенія»...

«Какъ бы велико ни было вліяніе радикальной литературы, все же русская молодежь училась кое-чему болѣе серьезному въ среднихъ и высшихъ школахъ. Вѣдь это могло бы послужить противоядіемъ... Наконецъ, изъ нея составилась группа революціонеровъ, которые, при всемъ своемъ фанатизмѣ, не въ состояніи были разрушить то государственное зданіе, фундаментомъ котораго служатъ древнія вѣковыя традиціи и вѣра многомилліонныхъ массъ русскаго народа.

«То же самое просвѣщеніе по многочисленнымъ каналамъ распространяется теперь не только среди учащейся молодежи, но и въ самой народной массѣ.

«Если это такъ, то къ ближайшему будущему мы подготовимъ такую «конверсію» этого переполненнаго революціоннымъ духомъ умственнаго замѣшательства шестидесятыхъ годовъ, что для покрытія ея не хватитъ всѣхъ завѣщанныхъ нашими предками моральныхъ капиталовъ».

Но что же сдѣлать противъ распространенія въ народныхъ массахъ этого духовнаго яда? Вѣдь именно насущные интересы образовавшейся буржуазіи и даже ведущаго сельское хозяйство дворянства и государ-

ственной власти подготовляютъ для него почву и толкаютъ страну въ указанномъ направленіи. Не только въ демократической прессѣ, но и въ «благонамѣренныхъ» газетахъ крупныхъ капиталистовъ вплоть до правительственныхъ органовъ мы встрѣчаемъ горячее стремленіе къ распространенію общаго и техническаго образованія въ народныхъ массахъ. Даже юнкерски ограниченная, жаждущая возстановленія крѣпостного права газета князя Мещерскаго,—и та не вполнѣ свободна отъ этой слабости.

Послушаемъ, впрочемъ, въ какомъ тонѣ эта пресса излагаетъ свои жалобы на недостатокъ образованія и культуры. Въ «Новомъ Времени» (это—наша «національная» «Kölnische Zeitung») говорится слѣдующее: «Богатство всегда было, хитрость вездѣ существовала, настойчивость была еще у татаръ. Но я думаю, что съ одними этими качествами мы далеко не уѣдемъ, хотя бы мы были еще хитрѣе и еще настойчивѣе. Западъ всегда будетъ имѣть преимущество предъ нами по своему образованію, по своей культурѣ и школѣ. У насъ все самоучки, на Западѣ все—продуктъ школы и культуры. Сколько бы господинъ Морозовъ (нашъ Бааре или Штуммъ) ни говорилъ о хитрости и настойчивости,—ему навѣрное тоже извѣстна поговорка, что за одного ученаго даютъ двухъ неученыхъ...»

По поводу дискуссіи по вопросу, существуетъ ли уже въ Россіи перепроизводство образованныхъ, та же газета дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «У насъ не только не можетъ быть рѣчи о томъ, что образованіе должно было бы быть самоцѣлью,—вѣдь у насъ нельзя даже установить, какъ необходимое условіе, извѣстный образовательный цензъ для занятія

должностей по государственной службѣ. При теперешнихъ задачахъ управленія человѣкъ безъ образованія можетъ все-таки хорошо усвоить себѣ внѣшнюю рутину; но онъ чувствуетъ себя, какъ въ лѣсу, какъ только дѣло касается хотя и не очень сложной, но выходящей изъ рамокъ этой канцелярской рутины проблемы».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» такъ отвѣчаютъ нашимъ крайнимъ шовинистамъ: «Лишите насъ нашей западно-европейской культуры—и все наше значеніе въ Азіи сразу подорвется. Чѣмъ больше мы будемъ настоящими европейцами, тѣмъ сильнѣе мы и въ Азіи будемъ. Вѣдь все это такъ ясно, что стыдно и говорить объ этомъ. Но что дѣлать, если самыя элементарныя идеи окрашиваются въ модный теперь азіатскій колоритъ и въ такомъ видѣ циркулируютъ среди нашей публики» [1]).

«Но даже націоналистическія газеты жалуются теперь на недостатокъ культуры», говоритъ господинъ Вестлендеръ. Новѣйшее и самое убѣдительное доказательство того, какъ глубоко и интенсивно ощущается въ правящихъ сферахъ потребность въ распространеніи «образованія и культуры» среди низшихъ классовъ народа, даютъ послѣднія совѣщанія «сельскохозяйственнаго совѣта». Это собраніе, составленное изъ представителей крупнаго землевладѣнія, ученыхъ спеціалистовъ и высшей бюрократіи подъ руководствомъ министра земледѣлія, бо́льшую часть своихъ засѣданій въ теченіе первой сессіи употребило на обсужденіе

---

[1]) Цитировано у господина А. Вестлендера: Russland vor einem Regimewechsel, стр. 78 и 79.

средствъ распространенія общаго и элементарнаго техническаго образованія въ народныхъ массахъ.

Словомъ, начавшееся подъ воздѣйствіемъ Запада и безпрерывно идущее впередъ революціонизированіе экономической жизни русской націи создало двоякаго рода несоотвѣтствіе: съ одной стороны, существующія уже теперь производительныя силы (въ широкомъ смыслѣ слова), несмотря на свою относительную бѣдность (съ точки зрѣнія развитой капиталистической націи), уже переросли тѣсныя рамки унаслѣдованнаго отъ «древней Руси» соціально-политическаго порядка; но, съ другой стороны, онѣ въ свою очередь уже отстаютъ отъ высокихъ и сложныхъ требованій новыхъ условій жизни русской націи. Оба эти момента дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на старый сословно-абсолютистскій строй самодержавной имперіи. Но роль непосредственно дѣйствующаго фактора въ дѣлѣ «развращенія» народныхъ массъ посредствомъ европейскаго образованія играетъ второе несоотвѣтствіе. Ибо безъ широкаго распространенія народнаго образованія русская промышленность, торговля и сельское хозяйство не смогутъ отвѣчать на современныя требованія всемірнаго рынка. Но вмѣстѣ съ образованіемъ вносится въ массу и «смута» и, при томъ, гораздо болѣе ускореннымъ темпомъ и совсѣмъ въ другихъ размѣрахъ, чѣмъ въ свое время это происходило съ дворянствомъ.

Съ распространеніемъ первоначальнаго образованія въ низшихъ народныхъ слояхъ распространяется и потребность въ газетахъ и книгахъ, живой интересъ ко всему тому, что происходитъ и происходило на огромной сценѣ міровой исторіи. Но такимъ путемъ имъ

окончательно выясняется та отсталость и бѣдность, въ которой они проводятъ свою жизнь. А къ этому присоединяется еще противоположность интересовъ внутри высшихъ сословій и классовъ. Правда, ихъ внутреннія тренія и междоусобія напоминаютъ скорѣе бурю въ стаканѣ воды, чѣмъ тѣ бурныя междоусобія, которыя наполняютъ исторію имущихъ классовъ на Западѣ. Тѣмъ не менѣе, неизбѣжно революціонное дѣйствіе и этихъ конфликтовъ на русскій народъ. И именно потому, что враждующіе братья дѣйствуютъ въ борьбѣ такими рискованными крылатыми словами, какъ: «народное благо», «справедливость», «священные интересы отечества», «народа», «равноправіе», «эксплоатація», словомъ, такими словами, которыя въ головахъ умственно пробуждающейся, но въ то же время угнетенной народной массы должны вызвать совсѣмъ иныя ассоціаціи идей и настроенія, чѣмъ въ головахъ и сердцахъ имущихъ классовъ: не только городскіе рабочіе, но и крестьянскія, и мелкобуржуазныя массы въ силу логики своего положенія наполнятъ политически-невинные въ устахъ тѣхъ классовъ пароли революціоннымъ содержаніемъ и превратятъ ихъ въ сильно дѣйствующее оружіе для борьбы съ существующимъ порядкомъ.

Пока еще, впрочемъ, на поверхности соціальной жизни Россіи господствуютъ главнымъ образомъ слѣпыя, стихійныя революціонныя силы. Но какъ только эти силы, побѣдное шествіе которыхъ до сихъ поръ обнаруживалось въ растущемъ экономическомъ и соціальномъ могуществѣ героевъ первоначальнаго накопленія, основательно подкопаютъ историческую почву русской націи,—тогда опять наступитъ время созна-

тельной, двигаемой идеальными мотивами революціи. Но на этотъ разъ она появится, какъ непосредственное выраженіе силы и воли эксплоатируемыхъ народныхъ массъ.

А что этотъ моментъ отъ насъ не очень далекъ,—въ томъ порука всѣми признанное горячее стремленіе этихъ массъ къ образованію, ихъ все увеличивающаяся жажда знаній. «Послѣ двѣнадцати, тринадцати, четырнадцати-часового рабочаго дня, говоритъ Плехановъ въ одной замѣткѣ въ «Vorwärts'ѣ», русскій рабочій зажигаетъ керосиновую лампочку и сидитъ въ своей каморкѣ до часу ночи за книгами. Въ 5 часовъ утра ему надо будетъ встать, онъ не отдохнетъ, но что ему до того? Онъ сильно отсталъ, ему, какъ Сенъ-Симону, надо еще великія дѣла совершить, и онъ старается нагнать время, упущенное его предкомъ, мужикомъ...»

Въ этомъ мы видимъ несомнѣнный симптомъ великихъ успѣховъ, сдѣланныхъ революціонной бациллой въ массахъ русскаго народа. А чтобы эта бацилла какъ можно скорѣе стала движущей силой въ жизни русскаго народа,—объ этомъ теперь позаботится не только западная, но и восточная цивилизація. Одинъ рефератъ, прочитанный недавно въ Цюрихѣ по поводу китайско-японской войны, кончался слѣдующимъ образомъ: «Горе всѣмъ намъ (т. е. промышленнымъ странамъ Запада), если эти четыреста милліоновъ станутъ промышленнымъ народомъ». Но русская демократія можетъ сказать: «Горе царизму и избавленіе русскаго народа, если эти четыреста милліоновъ на Востокѣ станутъ промышленнымъ народомъ». Подъ двустороннимъ натискомъ неудержимаго развитія капиталистической цивилизаціи на Западѣ и Востокѣ, самодержавная

Россія должна либо идти впередъ, либо идти навстрѣчу очевидной гибели. Литературные представители финансовыхъ интересовъ и реакціи въ Россіи, еще въ самомъ началѣ китайско-японской войны, если не ясно поняли, то со свойственнымъ имъ инстинктомъ почувствовали ея колоссальное историческое значеніе, вообще, и особенно для Россіи [1]). Повидимому, теперь и наши демократы начинаютъ понимать значеніе побѣды Японіи для русскаго народа. Такъ, напримѣръ, «Русскія Вѣдомости» думаютъ, что необходимо «поднять наши производительныя силы въ сферахъ Тихаго океана» реформами и экономическими мѣропріятіями.

Но это и еще многое другое можетъ быть начато и осуществлено лишь посредствомъ прогрессивнаго увеличенія свободы и самодѣятельности населенія Россіи вообще, и поднятія интеллектуальнаго и культурнаго уровня народныхъ массъ въ частности.

Рука объ руку же съ этими метаморфозами въ жизни русскаго народа происходитъ и «развращеніе» этихъ массъ духомъ «смуты».

---

[1]) Эта статья была уже написана, когда я прочиталъ статью Галлуса въ «Vorwärts'ѣ» (№ 105) о китайско-японской войнѣ. Въ общемъ, я раздѣляю взглядъ товарища на историческое значеніе этого событія. Но мнѣ кажется, что его революціонное дѣйствіе въ ближайшее время непосредственно и гораздо сильнѣе отразится на Россіи чѣмъ на промышленныхъ государствахъ. Причина этого — въ относительной отсталости Россіи. Но каждый могучій ударъ волны капиталистическаго прогресса противъ абсолютистскаго государственнаго корабля этой имперіи въ конечномъ счетѣ косвенно служитъ и интернаціональной соціалъ-демократіи.

Международная охрана труда и русское самодержавіе.

Само собой разумѣется, русская делегація присоединяется къ предложенію комиссіи. Ибо русскіе рабочіе страдаютъ отъ недостатка свободы коалицій, печати и т. д. гораздо больше, чѣмъ пролетаріи какой-либо западно-европейской страны. На Западѣ дѣло идетъ о расширеніи своихъ политическихъ правъ, въ Россіи же—еще только о принципіальномъ признаніи права пролетаріата на соціальную самозащиту въ борьбѣ за существованіе. Но именно, въ виду этой колоссальной разницы въ правовомъ положеніи русскихъ рабочихъ и ихъ западно-европейскихъ братьевъ, надо было въ резолюціи о свободѣ коалицій обратить на первыхъ особенное вниманіе. Къ сожалѣнію, это не было сдѣлано. Сытые голодныхъ не разумѣютъ, а въ правовомъ отношеніи европейскіе народы въ сравненіи съ русскимъ и являются сытыми.

Не подчеркнувши правовыхъ потребностей спеціально русскихъ рабочихъ, резолюція комиссіи тѣмъ самымъ отождествляетъ самодержавіе съ правительственными формами западныхъ государствъ, затушевы-

ваетъ принципіальную, такъ сказать, между ними разницу и трактуетъ русскій рабочій классъ, какъ quantité négligeable (величину, не принимаемую въ разсчетъ). Такимъ образомъ, хотя косвенно и безсознательно, самодержавію оказывается услуга.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, русская делегація считала необходимымъ внести особую резолюцію по вопросу о свободѣ коалицій въ Россіи и намѣрена была поставить ее на обсужденіе комиссіи. Но по настоятельному совѣту нѣкоторыхъ уважаемыхъ товарищей другихъ національностей, мы отказались отъ своего первоначальнаго намѣренія. Тѣмъ не менѣе русская делегація считаетъ своимъ долгомъ предъ организованными рабочими Россіи мотивировать конгрессу эту резолюцію.

Она гласитъ:

«Принимая во вниманіе, что свобода коалицій (союзовъ и собраній) и печати является необходимымъ условіемъ для международной охраны труда, что, благодаря самодержавному строю Россіи, этой законной почвы лишены рабочіе крупнѣйшаго государства Европы;

«Принимая далѣе во вниманіе, что капитализмъ дѣлаетъ въ Россіи огромные успѣхи и, при томъ, не въ малой степени, благодаря притоку европейскихъ капиталовъ и содѣйствію предпріимчивыхъ европейскихъ капиталистовъ, что въ силу этого съ естественной необходимостью порождается пролетарская классовая борьба,—борьба, находящаяся подъ постояннымъ и все растущимъ идейнымъ вліяніемъ западно-европейскаго рабочаго движенія и ведущаяся за тѣ же политическія формы, въ которыхъ послѣднее протекаетъ;—

«Международный конгрессъ по охранѣ труда считаетъ въ интересахъ международной охраны труда и всего культурнаго развитія Европы настоятельно необходимымъ, чтобы въ культурномъ отношеніи самому важному и самому могучему соціальному движенію настоящаго времени, —рабочему движенію,—былъ открытъ свободный путь для законнаго и мирнаго развитія въ крупнѣйшемъ государствѣ Европы, и призываетъ всѣ рабочія организаціи и друзей рабочаго класса всего цивилизованнаго міра, къ какой бы партіи они ни принадлежали, дѣйствовать всѣми силами и средствами въ духѣ этой резолюціи.

Но спрашивается, представляетъ ли дѣйствительно русскій рабочій классъ такую ужъ соціально-политическую величину, съ которой на международномъ конгрессѣ по охранѣ труда должно считаться? Другими словами, существуетъ ли дѣйствительно рабочее движеніе въ Россіи, рабочее движеніе въ современномъ смыслѣ слова, оказывающее какое-либо давленіе на правительство?—Намъ кажется, что на этотъ вопросъ лучше всего отвѣтить подлинными словами доклада государственнаго совѣта за 1886 годъ [1]). На 426 стр. этого доклада читаемъ:

«Въ послѣднее время, благодаря интенсивному росту промышленности, отношенія между рабочими и фабрикантами все болѣе усложняются. Возникшее въ концѣ 1884 и 1885 гг. броженіе среди фабричныхъ рабочихъ московской и владимірской губерній и происшедшіе на нѣкоторыхъ фабрикахъ безпорядки

---

[1]) Цитата переведена съ нѣмецкаго.

ясно обнаружили многія, въ высшей степени отталкивающія, стороны фабричной жизни. Изслѣдованіе этихъ событій выяснило, что причины безпорядковъ носятъ не случайный характеръ, а коренятся въ плохихъ условіяхъ жизни рабочихъ на фабрикахъ... Выростающее на этой почвѣ недовольство рабочихъ выливается, при трудности для этихъ необразованныхъ людей защищать свои права законнымъ путемъ, въ форму стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся насиліями и произволомъ. Сверхъ того, это недовольство является благопріятной почвой для преступныхъ ученій, цѣль которыхъ состоитъ въ низверженіи существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ послѣднее время (1886!— П. Б.) противоправительственныя партіи сосредоточили свое вниманіе на фабричномъ населеніи... Въ виду всего этого и во избѣжаніе стачекъ и безпорядковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ немедленно приступить къ пересмотру устава о промышленности для урегулированія взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ».

Къ тому времени, когда все это говорилось, рабочее движеніе распадалось на два, совершенно отдѣльныя теченія: одно изъ нихъ представлено было въ маленькихъ кружкахъ интеллигентныхъ рабочихъ, кружкахъ для самообразованія и теоретическаго развитія, а второе отливалось въ форму стихійныхъ, неорганизованныхъ взрывовъ, въ которыхъ широкія рабочія массы протестовали противъ гнета фабрикантовъ. Правда, уже большая стачка ткачей морозовской фабрики въ 1885 г. происходила подъ руководствомъ двухъ интеллигентныхъ рабочихъ; но все же эти ра-

бочіе дѣйствовали, какъ отдѣльные индивидуумы, не имѣя за собой никакой организаціи, по крайней мѣрѣ, въ современномъ смыслѣ, т. е. развивающей систематическую организаціонную и агитаціонную дѣятельность въ массахъ. Но даже въ такомъ зародышевомъ состояніи рабочее движеніе могло оказать давленіе на правительство, какъ это имъ самимъ признано въ приведенной выше цитатѣ.

Съ тѣхъ поръ движеніе сдѣлало колоссальные успѣхи. Съ одной стороны, броженіе охватило гораздо болѣе широкія рабочія массы и глубже въ нихъ проникло; а съ другой,—сильно возросло непосредственное вліяніе идеологическихъ элементовъ русскаго пролетаріата на его борьбу съ капиталистами. Это вліяніе достаточно ясно обнаружилось уже въ стачечномъ движеніи конца 1895 и начала 1896 гг., когда особенно прокламаціи петербургскаго «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» съ такой жадностью расхватывались стачечниками. Но только въ большой тридцатитысячной стачкѣ ткачей въ Петербургѣ во время коронаціи и въ стачечномъ движеніи начала этого года вліяніе организованныхъ рабочихъ на широкія массы было ясно сознано и тѣми и другими. Это вліяніе особенно рѣзко выразилось въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, въ томъ, что ткачи предложили петербургскому союзу формулировать ихъ требованія и помочь имъ прокламаціями вести свое дѣло; во-вторыхъ, въ томъ безупречномъ порядкѣ, въ которомъ стачка протекала. Хотя эта стачка началась стихійно, но руководство ею все же попало въ руки петербургской боевой организаціи.

И мы опять-таки видимъ, что и въ этой новѣйшей

фазѣ рабочаго движенія его успѣхъ и оказанное им
давленіе было признано самимъ правительствомъ. Пр
обсужденіи послѣдняго закона объ уменьшеніи рабо-
чаго дня самъ министръ финансовъ, Витте, мотивиро-
валъ его слѣдующими словами: «Этотъ законъ ест
политическая необходимость, обусловливающаяся тѣмъ
что въ столицѣ сосредоточена такая масса рабочих
въ текстильной промышленности».

И какъ разъ въ этомъ вопросѣ, милостивые госу-
дари и государыни, я думаю, намъ нечего сомнѣватьс
въ правдивости царскаго правительства и обнаружи-
вать особенный скептицизмъ къ успѣхамъ русскаго
рабочаго движенія. Такое скептическое отношені
могло бы обнаружиться лишь на почвѣ національнаго
шовинизма; и само собой разумѣется, что въ этом
отношеніи члены международнаго конгресса по охран
труда стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но именно в
виду этого, на нашихъ организованныхъ рабочих
произвело бы своеобразное и угнетающее впечатлѣні
нежеланіе конгресса признать ихъ товарищами борю-
щихся рабочихъ на Западѣ и, какъ къ таковымъ, от-
носиться.

И развѣ это не въ насущныхъ интересахъ западно
европейскаго пролетаріата всѣми силами и средствам
содѣйствовать начинающемуся рабочему движенію въ
Россіи, морально укрѣплять позицію его носителей и
ослаблять, напротивъ, позицію царизма, всемѣрно
дискредитируя его въ общественномъ мнѣніи цивили-
зованнаго міра? Задачи и стремленія, воодушевляющі
нашъ конгрессъ, вытекаютъ изъ сознанія, что дѣл
охраны труда не можетъ удовлетворительно осуще-
ствляться въ національныхъ рамкахъ. «Условія использо-

ванія рабочей силы, складывающіяся въ какой-нибудь странѣ, отражаются на условіяхъ труда сосѣдней страны», совершенно справедливо говоритъ членъ національнаго совѣта, господинъ Декуртинсъ. И точно такъ же вѣренъ выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ этого положенія: «Именно потому, что существуетъ международный рабочій рынокъ, именно потому, что наша промышленность пріобрѣла международный характеръ,—національныя рамки не должны служить препятствіемъ для развитія рабочаго права».

А вѣдь Россія довольно далеко пошла уже по пути капиталистическаго развитія и едва-ли ее можно теперь игнорировать, какъ факторъ въ сферѣ «международной промышленности». Достаточно указать на то, что русская текстильная промышленность, работающая приблизительно съ 6 милліонами веретенъ, занимаетъ послѣ Англіи первое мѣсто въ Европѣ. Прошу Васъ не упускать при этомъ изъ виду, что и безъ того интенсивное, промышленное развитіе Россіи все больше стимулируется капиталистами Вашихъ странъ. Они являются въ нашу страну со своими капиталами и предпріимчивостью, а, сверхъ того, ввозятъ отчасти и технически образованныхъ рабочихъ капиталистической Европы. Уже изъ этихъ немногихъ указаній видно, какое большое значеніе должны имѣть для западно-европейскихъ рабочихъ «условія использованія рабочей силы» въ Россіи, самомъ крупномъ государствѣ Европы, населеніе котораго уже теперь составляетъ около 130 милліоновъ. Условія же эти таковы, что, не будучи устранены, они самымъ чувствительнымъ образомъ дадутъ себя знать западно-европейскому пролетаріату. Поэтому, въ интересахъ послѣдняго уже въ

ближайшемъ будущемъ оказалось бы необходимымъ вовлеченіе Россіи въ сферу международной охраны труда. Но въ качествѣ «національнаго» препятствія фактическому распространенію того международнаго «рабочаго права», къ которому мы стремимся, на Россію является самодержавный режимъ. Въ силу этого рабочее движеніе должно неизбѣжно развиться въ борьбу за политическую свободу. Но само собой понятно, что борющійся пролетаріатъ цивилизованнаго міра могъ бы ускорить и облегчить этотъ процессъ, создавши русскимъ сознательнымъ рабочимъ прочную опору въ общественномъ мнѣніи Европы. Болѣе того, такое отношеніе западныхъ рабочихъ имѣло бы вліяніе даже на наши правящія сферы. Не слѣдуетъ думать, что самодержавная бюрократія такъ толстокожа и совершенно ужъ нечувствительна къ тому, что о ней думаютъ и говорятъ на Западѣ. Такъ индифферентны и заплѣсневѣлы только такіе «государственные дѣятели», какъ Побѣдоносцевъ и Деляновъ. Большинство же нашихъ высшихъ чиновниковъ слишкомъ заражены духомъ капиталистической цивилизаціи и стоятъ въ слишкомъ тѣсной связи съ Западомъ, чтобы относиться равнодушно къ его общественному мнѣнію. Это давленіе на наше правительство извнѣ должно, разумѣется, въ той мѣрѣ возрастать, въ какой будетъ рости непосредственное вліяніе западныхъ народовъ на ихъ собственныя правительства въ области международной охраны труда. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что углубленіе и расширеніе агитаціи въ пользу охраны труда отразится и въ внѣшней политикѣ правительствъ.

Уважаемое собраніе! Необходимо замѣтить, что если русская делегація придаетъ такое большое значе-

ніе внѣшнимъ вліяніямъ и импульсамъ, то это отнюдь не потому, что она не полагается на внутреннюю силу русскаго рабочаго движенія. Напротивъ, еслибы мы не питали къ нему полнаго довѣрія, то у насъ не было бы мужества апеллировать отъ имени нашихъ организованныхъ рабочихъ къ Вашей помощи и чувству солидарности. Но развѣ одинъ только русскій народъ, развѣ онъ первый изъ современныхъ европейскихъ народовъ нуждается для своего освобожденія изъ-подъ гнета абсолютизма во внѣшнихъ импульсахъ? Вспомните, что именно бури великой французской революціи и громъ пушекъ ея арміи встряхнули западные народы изъ ихъ летаргическаго сна и дали имъ толчокъ къ преобразованію ихъ внутреннихъ отношеній. Еще даже въ сороковыхъ годахъ никто иной, какъ Карлъ Марксъ ожидалъ со стороны Франціи рѣшительный толчокъ къ перевороту въ Германіи: онъ полагалъ, что пѣніе галльскаго пѣтуха разбудитъ германскій народъ къ рѣшительной борьбѣ противъ абсолютизма. И было бы, конечно, совсѣмъ не плохо, еслибы и русскій народъ получилъ такую помощь отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Мы увѣрены въ томъ, что энергичное пѣніе германскаго пѣтуха (въ указанномъ смыслѣ) вызвало бы въ самодержавной Россіи такое же движеніе противъ царизма, какое въ свое время февральская революція вызвала въ Германіи и Австріи. Впрочемъ, вполнѣ возможно, что русская нація самостоятельно, безъ внѣшняго импульса со стороны какого-нибудь революціоннаго землетрясенія въ сосѣднихъ странахъ, по собственной инціативѣ въ состояніи будетъ повести рѣшительную атаку противъ абсолютизма.

Въ заключеніе я позволю себѣ еще разъ обратит
Ваше вниманіе на внутреннюю логическую связь про
читанной мною резолюціи съ стремленіями и рѣше
ніями нашего конгресса. Какъ въ предложеніяхъ гос
подина Декуртинса, такъ и въ резолюціяхъ комиссі
рекомендуются такіе пути и средства, которые имѣют
въ виду, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, пра
вовой строй конституціонныхъ государствъ. Но этим
самымъ признана абсолютно необходимой наличност
однородной, хотя и различной формально, государ
ственной основы во всѣхъ капиталистическихъ странах
для полнаго осуществленія мѣръ по международно
охранѣ труда. Но такому взгляду логически противо
рѣчитъ индифферентное отношеніе къ нашему само
державному режиму. Тѣ, которые раздѣляютъ этот
взглядъ и желаютъ сообразно съ нимъ дѣйствоват
не должны останавливаться предъ государственным
порядкомъ Россіи; ибо онъ представляетъ чистѣйш
и грубѣйшее отрицаніе общаго всему Западу пра
вого строя. «Задача Европы», думаетъ господинъ Д
куртинсъ, «разрѣшить великую культурную пробле
международнаго рабочаго права и не только себѣ обе
печить такимъ образомъ миръ и благополучіе, н
сыграть роль руководящей культурной силы и по о
ношенію къ другимъ частямъ свѣта».

Прекрасная и по истинѣ неутопическая перспекти
Но на пути къ ея осуществленію китайской стѣно
стоитъ варварскій государственный порядокъ сам
крупной европейской страны, порядокъ, опирающій
въ то же время на современныя средства гнета
эксплоатаціи капиталистической цивилизаціи. И, по
эта сила, находящаяся на коренной европейской поч

не будетъ разрушена, до тѣхъ поръ Европа едва-ли сможетъ съ успѣхомъ взять на себя «роль руководящей культурной силы» по отношенію къ другимъ частямъ свѣта. Скорѣе царизмъ сможетъ взять на себя роль руководящей силы варварскихъ частей свѣта для борьбы съ цивилизованными странами.

Стало быть, въ насущныхъ интересахъ всѣхъ серьезныхъ друзей прогресса и международной охраны труда дать рѣшительный отпоръ самодержавному режиму, болѣе того, организовать противъ него систематическій походъ. Было бы поэтому очень желательно, чтобы передовые борцы за международное рабочее право настроили бы общественное мнѣніе цивилизованнаго міра противъ этого режима и, при томъ, съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ пресловутый господинъ Штуммъ настраиваетъ правящія сферы Германіи противъ переворота. Вотъ что̀ имѣла прежде всего въ виду резолюція, проектировавшаяся русской делегаціей.

Милостивые государи и государыни! Теперь Вы знаете, какія надежды возлагаютъ и чего ждутъ организованные рабочіе Россіи отъ своего участія въ международныхъ конгрессахъ по охранѣ труда. Послѣ сказаннаго организаціонный комитетъ ближайшаго конгресса по охранѣ труда будетъ знать, сможетъ ли онъ почтить сознательный пролетаріатъ Россіи новымъ приглашеніемъ.

Сергѣй Кравчинскій.

(Степнякъ).

Такъ Сергѣй въ самомъ дѣлѣ мертвъ? Такъ мы е[го] въ самомъ дѣлѣ никогда больше не увидимъ?—н[е]вольно спрашиваютъ себя его друзья, живущіе дале[ко] отъ Лондона. Это не преувеличеніе, если я скаж[у,] потрясающая вѣсть о его трагической смерти все ещ[е,] какъ дурной сонъ, звучитъ въ нашихъ ушахъ. Но в[се] же это правда; ибо сейчасъ только я прочелъ в[ъ] «Arbeiter-Zeitung» подробный отчетъ о грандіозно[мъ] международномъ чествованіи памяти нашего незабве[н]наго друга при сожженіи его тѣла [1]). Подъ впечатл[ѣ]ніемъ этого отчета я пишу слѣдующія строки о е[го] жизни и дѣятельности,—но, конечно, это не будет[ъ] такое обстоятельное описаніе его жизни, какъ В[ы] хотите. Можетъ быть, политическіе друзья покойнаг[о,] постоянно живущіе въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣт[ъ,] будутъ въ состояніи издать его біографію. Пока пус[ть] читатели довольствуются тѣмъ немногимъ, что я мо[гу] предложить на основаніи моихъ личныхъ воспоминані[й.]

Когда я весною 1874 г. вернулся въ Кіевъ посл[ѣ]

---

[1]) Это происходило въ Лондонѣ.

трехъ-четырехнедѣльнаго отсутствія, то мои близкіе товарищи разсказывали мнѣ о молодомъ человѣкѣ, переодѣтомъ рабочимъ, задержавшемся у нихъ на нѣсколько дней по дорогѣ въ Одессу. Его пріятная наружность, его интеллигентность, его разсказы о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ области пропаганды среди крестьянъ, производили на его единомышленниковъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе и покорили ему ихъ сердца. Одинъ пожилой господинъ, въ квартирѣ котораго мы часто собирались, вообще отрицательно относившійся къ нашему движенію, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ сѣвернымъ юношей сказалъ: «Да, это святые!» Этотъ юноша былъ Сергѣй Кравчинскій. Но я узналъ это только черезъ полгода, когда я встрѣтился въ Берлинѣ съ его истиннымъ другомъ, Д. Клеменсомъ. Послѣдній характеризовалъ своего друга, главнымъ образомъ, какъ человѣка, «не знающаго чувства страха». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ пришлось узнать его съ другой стороны, какъ многообѣщающаго, даровитаго писателя.

Весною 1874 г. полиція и жандармерія стали проявлять лихорадочную дѣятельность. Сотни пропагандистовъ или заподозрѣнные въ пропагандѣ были въ короткое время брошены въ тюрьмы, и связь между революціонными центрами прервалась. Нѣкоторые пропагандисты должны были временно бѣжать за границу. Зимою 1875 г. въ Женевѣ съѣхалось уже много русскихъ бѣглецовъ, къ которымъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ присоединился и Кравчинскій. Онъ привезъ съ собой двѣ рукописи, появившіяся, если мнѣ память не измѣняетъ, уже лѣтомъ того же года, какъ самостоятельныя брошюры. Въ беллетристической формѣ

и религіозномъ стилѣ авторъ стремился выяснить народнымъ массамъ наши тогдашнія соціалистическія идеи. Кромѣ нѣкоторыхъ трезвенныхъ людишекъ съ большими претензіями, мы всѣ были увлечены первыми произведеніями [1]) нашего даровитаго писателя.

Что мы тогда правильнѣе судили, чѣмъ тѣ мелочные завистники,—объ этомъ свидѣтельствуетъ мнѣніе такого человѣка, какъ Тургеневъ. 7 сентября 1878 г. онъ писалъ П. Лаврову по поводу упомянутыхъ произведеній: «Авторъ (Кравчинскій) человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ, и все его существо проникнуто страстью молодости и убѣжденія». И далѣе: «Авторъ имѣетъ талантъ и огонь, онъ долженъ только продолжать работать въ этой области» [2]).

Но время, о которомъ идетъ рѣчь, почти не давало возможности для чисто или преимущественно литературной дѣятельности, особенно, для такого полнаго энтузіазма и жажды дѣятельности, такого темпераментнаго человѣка, какимъ былъ нашъ молодой авторъ.

Это было совсѣмъ особенное время съ особенными стремленіями и идеями въ головахъ и сердцахъ демократически настроенной молодежи. Чувствованіе и мышленіе, характеризующее ее въ началѣ семидесятыхъ годовъ, можно, пожалуй, выразить двумя слѣдующими положеніями: «нашъ долгъ искупить преступленія нашихъ родителей и предковъ противъ народа и именно тѣмъ, что мы всю свою жизнь посвятимъ дѣлу его

[1]) Его дѣйствительно первое произведеніе: «Исторія одной копейки» было, какъ мнѣ помнится, въ то время уже напечатано.

[2]) «Вѣстникъ Народной Воли» 1884 г., № 2. П. Лавровъ о Тургеневѣ, 112.

освобожденія; мы потому уже обязаны это дѣлать, что вся наша культура покоится на вѣковомъ рабствѣ и эксплоатаціи народныхъ массъ, и наше собственное образованіе досталось намъ на ихъ счетъ». Подвергаясь опасности подать поверхностнымъ доктринерамъ поводъ отнестись свысока къ тому періоду, я все же долженъ признаться, что я невольно вспомнилъ о нашемъ настроеніи за 22 или 25 лѣтъ назадъ, когда читалъ дѣтскій разговоръ въ приложеніи товарища Адлера къ одному разсказу въ «Buch der Iugend» («Книга молодежи»). «Мнѣ такъ на душѣ, что я какъ будто что-то должна бѣдной Маріи, но не могу ей отдать», сказала Эльза. А Иванъ, маленькій философъ и политикъ въ упомянутомъ разсказѣ, кончаетъ разговоръ словами, слышанными имъ отъ своего отца: «Давать бѣднымъ— это хорошо; но работать надъ тѣмъ, чтобы бѣдности вовсе не было,—еще лучше». Сознаніе долга по отношенію къ народу и рѣшеніе «работать надъ тѣмъ, чтобы бѣдности вовсе не было» образовали, такъ сказать, психологическую и моральную основу и руководящую нить въ чувствованіи, мышленіи и дѣятельности нашей идеалистически настроенной учащейся молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Но какимъ образомъ могло быть проведено въ жизнь указанное рѣшеніе въ такой странѣ, въ которой народныя массы и демократическая интеллигенція отдѣлены были другъ отъ друга двойной непроходимой пропастью—соціальной и культурной! Уже наканунѣ освобожденія крестьянъ нашъ великій критикъ Добролюбовъ въ статьѣ, посвященной критикѣ Тургеневскаго романа «Наканунѣ», задается вопросомъ: почему собственно народолюбивые элементы въ Россіи не выдви-

гаютъ людей дѣла? И онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующей параллелью. Предположивши, что «одинъ изъ сыновей турецкаго аги вздумалъ бы освобождать Болгарію отъ турокъ», онъ далѣе говоритъ, что этому сыну необходимо было бы «отречься отъ всего, что его связывало съ турками:—и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія».

И на этотъ, именно, путь стала революціонная молодежь Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Наша программа гласила: кто хочетъ работать для народа, тотъ долженъ покинуть университетъ, оставить свое привилегированное положеніе, свою семью и повернуться спиной даже къ наукѣ и искусствамъ. Должны быть порваны всѣ узы, связывающія его съ высшимъ обществомъ, должно сжечь за собой всѣ корабли, словомъ, добровольно отрѣзать себѣ всякій путь къ отступленію. Пропагандистъ долженъ, такъ сказать, все свое внутреннее существо преобразовать, чтобы чувствовать себя заодно съ самыми низшими слоями народа, и не только идейно, но и въ повседневной жизни.

Послѣдовательно и надолго эту программу нельзя было проводить. Но въ словахъ покойнаго нѣтъ преувеличенія, когда онъ говоритъ въ своей «Подпольной Россіи»: «И мужественные люди шли на этотъ зовъ, глубоко страдая за свое прошлое; они оставляли домъ, богатство, почетныя мѣста, свои семьи и бросались въ движеніе съ такимъ восторгомъ и энтузіазмомъ, съ такой преданностью, какіе въ жизни бываютъ только одинъ разъ и, будучи потеряны, никогда больше не повторяются».

И однимъ изъ первыхъ и самыхъ смѣлыхъ изъ этихъ

смѣлыхъ людей бросился въ движенiе двадцатидвухлѣтнiй юноша Сергѣй Кравчинскiй. Въ 1871 г. онъ кончилъ артиллерiйскую школу, а уже въ концѣ слѣдующаго, если я не ошибаюсь, года онъ выходитъ въ отставку и вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Рогачевымъ идетъ, въ качествѣ пильщика дровъ, «въ народъ». Съ этого времени онъ дѣлается «нелегальнымъ», ибо бывшiй офицеръ не могъ вѣдь странствовать, въ качествѣ поденщика, подъ своимъ именемъ. Впрочемъ, уже зимою 1873 г. онъ былъ арестованъ со своимъ товарищемъ въ тверской губернiи; но имъ удалось бѣжать, и, такимъ образомъ, они навсегда отрѣзали себѣ возможность возвратиться къ «легальному» существованiю.

Но это бѣгло охарактеризованное хожденiе революцiонной интеллигенцiи «въ народъ», наполняющее 1873 и 1874 годы, составляетъ лишь первую фазу, въ извѣстномъ смыслѣ, прологъ нашего движенiя. Намѣченная Добролюбовымъ въ цензурныхъ условiяхъ задача была разрѣшена лишь отчасти, формально, если можно такъ выразиться. Крестовый походъ пропагандистовъ создалъ поколѣнiе людей, перешагнувшихъ, насколько это было возможно, за рамки своихъ сословныхъ привилегiй, поставившихъ себя внѣ «легальнаго» буржуазнаго общества. Но это былъ лишь первый шагъ къ возмущенiю крестьянъ противъ существующаго порядка вещей, но отнюдь не само возмущенiе. Въ своей «Подпольной Россiи» Кравчинскiй самъ описалъ внѣшнiя трудности, препятствовавшiя практическому разрѣшенiю этой проблемы, и намъ нѣтъ подобности входить здѣсь въ подробное обсужденiе этого предмета. Какъ бы то ни было, вопросъ о средствахъ и путяхъ къ организацiи крестьянскаго возстанiя съ 1875 г. все больше

занимаетъ наши революціонные круги, выступаетъ въ ихъ дискуссіяхъ на первую очередь, господствуетъ надъ ихъ мышленіемъ и дѣятельностью. Но вѣдь именно для непосредственнаго практическаго рѣшенія этого вопроса и не было налицо необходимыхъ историческихъ условій. Ничего не значитъ! Тогдашнее революціонное поколѣніе брало на свои собственныя плечи и на свою собственную совѣсть отвѣтственность за недостатки той исторической почвы, на которой ему приходилось развертывать свою дѣятельность. И этимъ объясняется, что люди съ темпераментомъ Кравчинскаго самое существенное препятствіе къ организаціи народнаго возстанія усматривали въ отсутствіи группы предпріимчивыхъ, храбрыхъ, способныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ революціонеровъ. Съ этого времени надо было, стало быть, посвятить свои силы образованію и воспитанію такой группы людей. И—удивительно для нашего теперешняго пониманія—главнымъ образомъ, на основаніи этого вывода возникло рѣшеніе Кравчинскаго и еще нѣкоторыхъ эмигрантовъ принять участіе въ возстаніи Герцеговины противъ турокъ. И если читатель спроситъ: что же общаго между участіемъ русскихъ революціонеровъ въ этомъ возстаніи съ ихъ революціонными планами въ Россіи?—то я могу ему лишь слѣдующее отвѣтить: столь же мало или же столь же много, какъ и между абстрактными соціалистическими «идеалами» тогдашнихъ лавристовъ съ конкретными историческими потребностями русскаго народа. Одни вѣрили въ эти «идеалы», какъ въ магическія слова, при помощи которыхъ они водворятъ въ Россіи «царство справедливости», другіе надѣялись «революціонными» методами, заимствованными у варварскихъ

народностей, вызвать революціонное народное возстаніе въ имперіи, вооруженной бюрократическимъ и военно-полицейскимъ аппаратомъ современнаго централизованнаго государства капиталистическихъ странъ. Всѣмъ намъ не хватало тогда именно историческаго метода мышленія и пониманія. Долженъ, однако, здѣсь подчеркнуть, что въ самой Россіи лишь очень немногіе противодѣйствовали упомянутому плану женевскихъ эмигрантовъ. Я могъ въ этомъ лично убѣдиться, будучи тамъ лѣтомъ и осенью 1875 года. Около этого, именно, времени, тамъ начинается стремленіе къ колонизаціи, то-есть къ устройству поселеній изъ маленькихъ пропагандистскихъ группъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ.

Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1875 г. Сергѣй и еще нѣкоторые его товарищи отправились на помощь къ возставшимъ «славянскимъ братьямъ»; но скоро онъ вернулся обратно въ Женеву, послѣ всяческихъ треволненій, совершенно разочарованный во всемъ этомъ «революціонномъ» предпріятіи. Во-первыхъ, на полѣ военныхъ дѣйствій оффиціальнымъ защитникомъ славянъ скоро выступило самодержавное царское правительство, а затѣмъ и сами варварскіе братья отнюдь не были подходящимъ боевымъ союзникомъ для современно мыслящихъ революціонеровъ. Кравчинскій, впрочемъ, неохотно говорилъ о своемъ участіи въ герцеговинскомъ возстаніи. Но скоро онъ принялъ участіе въ бунтѣ, происшедшемъ въ современномъ государствѣ. Я имѣю въ виду попытку, организованную Малатестой и Костой въ апрѣлѣ 1877 г. въ Беневентѣ, съ цѣлью поднять итальянскій народъ на возстаніе. Извѣстно, что всѣ заговорщики были арестованы «на мѣстѣ пре-

ступленія». Кравчинскому эта исторія стоила около восьми мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Къ концу 1877 г. или къ началу 1878, онъ былъ выпущенъ на свободу и высланъ изъ Италіи. Онъ опять вернулся въ Женеву и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ русскаго бакунистскаго журнала «Общины». Около этого времени въ нашемъ движеніи наступалъ рѣшительный поворотъ. Та группа смѣлыхъ и безстрашныхъ «людей дѣла», которую такъ желалъ Кравчинскій, была на-лицо. Эта группа испытанныхъ борцовъ была создана въ предыдущія фазы движенія— пропаганды поселеній и городскихъ демонстрацій. Но ея думы и чувства шли совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ Кравчинскій когда-либо мечталъ. Дѣло шло уже не о крестьянскомъ вспышкопускательствѣ, а о героическомъ поединкѣ этой группы революціонеровъ съ правительствомъ. Террористическій періодъ еще не начался, но приближеніе его возвѣщалось двумя крупными событіями: героическимъ покушеніемъ Вѣры Засуличъ на царскаго сатрапа, Трепова, и затѣмъ вооруженнымъ сопротивленіемъ, оказаннымъ смѣлой кучкой революціонеровъ цѣлому отряду полиціи, жандарміи, чиновниковъ и солдатъ. Оба эти событія произошли въ январѣ 1878 г. Мнѣ трудно описать ихъ вліяніе на революціонные круги, находившіеся въ постоянномъ возбужденіи уже со времени большихъ политическихъ процессовъ протекшаго года. Въ частности, что касается нашего покойнаго друга, то онъ написалъ даже особую статью о покушеніи Вѣры Засуличъ, въ которой ея дѣло форменно воспѣвалось. И тѣмъ не менѣе онъ въ это время все еще носился со своей излюбленной мечтой о подготовкѣ народнаго

возстанія въ стилѣ крестьянскихъ возстаній XVII и XVIII столѣтій. Онъ написалъ даже особую статью для обоснованія того способа, по которому происходили наши бунты. Статья эта въ печати не появилась, и я упоминаю объ этомъ публицистическомъ опытѣ Кравчинскаго для того только, чтобы отмѣтить характеръ его политическихъ воззрѣній наканунѣ террористическаго періода.

Но смѣлость и героизмъ, обнаруживавшіеся въ новомъ методѣ борьбы, очаровывали даже принципіальныхъ противниковъ этого метода въ лагерѣ бакунистовъ и народниковъ. Тѣмъ больше обаятельности въ немъ было для такихъ героическихъ, склонныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, натуръ, какой былъ Кравчинскій. И дѣйствительно, уже въ срединѣ 1878 г. онъ ѣдетъ въ Россію, гдѣ его немедленно принимаютъ въ Центральный Комитетъ знаменитаго впослѣдствіи революціоннаго общества «Земля и Воля» и назначаютъ редакторомъ его органа. Но редактировалъ онъ одинъ только первый номеръ газеты, ибо онъ взялъ на себя порученіе, выполненіе котораго потребовало всѣ его силы и вниманіе. Фактическое редактированіе перешло къ Плеханову.

Логика вещей быстро приводила къ тому, что почти всѣ силы движенія поглощались террористическими нападеніями на правительство. Правда, Кравчинскій старался на страницахъ органа партіи вдохнуть новую жизнь въ бакунистическія народническія тенденціи, особенно, между прочимъ, подчеркивая необходимость перевести соціализмъ въ его общей космополитической формѣ на конкретный языкъ національной дѣйствительности. Но лично онъ все больше гипноти-

зировался все разгоравшейся партизанской войной с правительствомъ. Предъ своей собственной соціалистической совѣстью и совѣстью другихъ онъ старается оправдать ее тѣмъ, что выставляетъ террористовъ какъ своего рода охранительный отрядъ для пропагандистовъ и агитаторовъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ. Но такимъ образомъ онъ самъ для себя построилъ мостъ для принятія указаннаго выше порученія. Послѣднее заключалось въ исполненіи смертнаго приговора «Земли и Воли» надъ шефомъ жандармовъ, Мезенцовымъ. Приговоръ этотъ былъ отвѣтомъ на казнь одного изъ самыхъ мужественныхъ членовъ партіи Ковальскаго, стоявшаго во главѣ упомянутой выше группы, оказавшей (въ Одессѣ) вооруженное сопротивленіе полиціи. «Приговоръ былъ посланъ [1]) самому Мезенцову, ибо общество «Земля и Воля» боролось рыцарскимъ путемъ»—съ справедливой гордостью пишетъ мнѣ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ этого союза.

Чуть ли не два мѣсяца учился Кравчинскій дѣйствовать кинжаломъ. Его дѣло, увѣнчавшееся такимъ блестящимъ успѣхомъ, дало новый могучій толчекъ террористическому движенію. И что еще важнѣе— послѣ этого акта начало быстро образовываться сознательное демократически-конституціонное теченіе въ рядахъ революціонной соціалъ-демократіи. Но—обратите вниманіе!—на почвѣ традиціоннаго народническаго соціализма. Этотъ поворотъ знаменовалъ собою огромный шагъ впередъ. И если онъ не далъ желательныхъ результатовъ, то причины этого лежали какъ въ теоретической мотивировкѣ, такъ и въ одностороннн

[1]) Онъ могъ бы спасти себя, оставивши свой постъ.

террористической формѣ, въ которой это теченіе должно было проложить себѣ путь. Но вернемся къ нашему Сергѣю.

Съ исполненіемъ добровольно взятаго на себя порученія партіи, кончается и второй періодъ его революціонной дѣятельности въ Россіи. Товарищи настаивали, чтобы онъ уѣхалъ изъ Россіи. Они не хотѣли нести на своей совѣсти тяжкую отвѣтственность за столь дорогую имъ молодую жизнь. И, такимъ образомъ, административная власть—не царскаго, а революціоннаго правительства—сослала его на Западъ. Волѣ царскаго правительства онъ добровольно не покорился бы, но онъ считалъ своимъ само собою разумѣющимся долгомъ слѣдовать указаніямъ своихъ товарищей.

Глубокой осенью 1878 г. Кравчинскій вернулся въ Женеву. Стало быть, какъ разъ предъ тѣмъ временемъ, когда Центральный Комитетъ партіи сталъ готовиться къ своимъ самымъ смѣлымъ и величественнымъ атакамъ на правительство. Горькая иронія для человѣка, бывшаго однимъ изъ первыхъ людей, толкнувшихъ наше движеніе на путь «дѣлъ» и такъ къ нимъ стремившихся! Несомнѣнно, для такой яркой героической натуры было необыкновенно мучительно издали, въ качествѣ спокойнаго наблюдателя, слѣдить за исполинской борьбой «Народной Воли». Положеніе вынуждало его посвятить свои силы исключительно литературной дѣятельности.

Этимъ открывается новый и, къ сожалѣнію, послѣдній періодъ въ жизни нашего друга. Съ внѣшней стороны онъ характеризуется тѣмъ, что Кравчинскій посвящаетъ свои силы, главнымъ образомъ, ознакомленію Запада съ стремленіями, цѣлями, средствами и

путями революціоннаго движенія въ Россіи. По существу же, внутренне, этотъ періодъ отличается новой политической и тактической точкой зрѣнія покойнаго. Эту точку зрѣнія можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: сосредоточеніе всѣхъ оппозиціонныхъ силъ русской націи на одномъ пунктѣ— на завоеваніи конституціи и возможно болѣе тѣсное соединеніе революціонно настроенной интеллигенціи съ «либеральнымъ обществомъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Обстоятельная и всесторонняя оцѣнка общественной дѣятельности покойнаго въ послѣдній періодъ его жизни едва-ли еще возможна; къ тому же она выходитъ далеко за границы этой статьи. Но въ общихъ чертахъ объемъ и значеніе этой дѣятельности довольно извѣстны. Впрочемъ, о томъ, насколько успѣшна была заграничная пропаганда покойнаго, можно судить по двумъ краснорѣчивымъ фактамъ: по образованію англійскаго общества «Свободная Россія» изъ представителей различныхъ партійныхъ направленій съ собственнымъ періодическимъ органомъ и затѣмъ,— по выраженію печали и горя со стороны самыхъ различныхъ соціальныхъ и политическихъ круговъ Лондона по поводу смерти Кравчинскаго. Личность не отдѣлялась здѣсь отъ революціонера. Высокій почетъ и глубокія симпатіи политически образованной части лондонскаго населенія покойный завоевалъ себѣ въ качествѣ неутомимаго и краснорѣчиваго защитника русскихъ революціонеровъ—съ одной стороны, и неустаннаго обвинителя и изобличителя царизма предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, съ другой.

Въ общемъ и цѣломъ Степнякъ прошелъ тотъ же путь внутреннихъ превращеній, по которому шло

большинство нашей революціонной интеллигенціи въ рамкахъ народническаго круга идей. Но мнѣ кажется, что его внутреннее развитіе не завершилось, какъ не достигла своего высшаго пункта и его дѣятельность. Вспомните знаменитаго Іоанна Жакдэя! А Степнякъ былъ, вдобавокъ, поэтомъ и эстетикомъ, и въ то же время «столь молодъ, столь одаренъ, столь полонъ силъ», какъ выразился Крапоткинъ въ своей надгробной рѣчи. Я не имѣлъ чести быть интимнымъ [1]) другомъ покойнаго, но мнѣ все же трудно было бы сказать, что причиняетъ мнѣ большее горе: потеря блестящаго и выдающагося представителя революціонной партіи Россіи или же потеря дорогого друга...

---

[1]) Двое близкихъ его друзей въ когтяхъ царскаго правительства: Д. Клеменсъ, сосланный въ Восточную Сибирь, и Морозовъ, заточенный въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Петръ Лавровъ.

Мы празднуемъ сегодня память одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, принадлежа къ дворянству, вооруженные энциклопедическимъ образованіемъ, пожертвовали своимъ высокимъ чиномъ, привилегированнымъ положеніемъ, своимъ матеріальнымъ благополучіемъ для борьбы за освобожденіе угнетенныхъ массъ и отдали этой борьбѣ свои крупныя знанія и свою жизнь. Лавровъ стоялъ у колыбели современнаго революціоннаго движенія Россіи, болѣе того, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ былъ даже его акушеромъ. Онъ разъяснялъ учащейся молодежи ея обязанности предъ эксплоатируемыми народными массами, проповѣдывалъ соціализмъ, какъ необходимую цѣль для ихъ стремленій, и воодушевлялъ ихъ къ революціонной борьбѣ.

Покойный сдѣлался такимъ образомъ воспитателемъ и учителемъ цѣлаго ряда поколѣній русской демократической и революціонной молодежи.

Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ примкнулъ къ непримиримымъ врагамъ царизма и привилегированныхъ сословій и, въ теченіе полувѣка, стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей стремящейся впередъ народо- и свободолюбивой интеллигенціи. А съ начала

семидесятыхъ годовъ онъ открыто выступаетъ носителемъ революціоннаго соціализма и съ того момента до своего послѣдняго дыханія съ полной вѣрой въ торжество дѣла остается вѣрнымъ революціонному знамени.

Международному рабочему движенію и международной соціалъ-демократіи онъ былъ преданъ душой и тѣломъ, его произведенія пробуждали въ рядахъ нашей учащейся молодежи симпатіи къ освободительной борьбѣ западно-европейскаго пролетаріата и въ его собственномъ отечествѣ подготовляли почву для революціоннаго пролетарскаго движенія.

Стало быть, онъ вполнѣ заслужилъ тѣ широкія симпатіи и то глубокое уваженіе, которыя рабочія партіи всѣхъ странъ выразили такимъ импозантнымъ образомъ при его похоронахъ.

Мы напомнимъ теперь важнѣйшіе факты изъ жизни незабвеннаго покойника и укажемъ въ общихъ чертахъ на существенныя его заслуги предъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

Петръ Лавровъ родился въ февралѣ 1823 года въ имѣніи своихъ родителей, принадлежащихъ, какъ мною уже упомянуто, къ дворянскому сословію. Отецъ его былъ въ чинѣ полковника и предназначилъ ему сыну военную карьеру. Уже четырнадцати лѣтъ онъ былъ поэтому отданъ въ петербургскую артиллерійскую школу. Въ этомъ интернатѣ господствовала железная дисциплина. Но любознательный мальчикъ, еще въ родительскомъ домѣ съ жадностью проглотившій библіотеку своего отца, сумѣлъ, несмотря на строгія военныя правила, достать себѣ книги о французской революціи и произведенія великаго соціалистическаго

мыслителя, К. Фурье, и, такимъ образомъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ успѣлъ воспринять революціонныя идеи.

Но, не довольствуясь этимъ, онъ старался заинтересовать своихъ товарищей этими идеями и пробудить въ нихъ идеальныя стремленія. И такимъ путемъ онъ сталъ центромъ и руководителемъ кружка для самообразованія, составившагося изъ лучшихъ и самыхъ живыхъ воспитанниковъ артиллерійской школы.

Въ 1842 г. онъ окончилъ школу съ офицерскимъ чиномъ и скоро сталъ въ ней профессоромъ математики, имѣя всего двадцать одинъ годъ отъ роду. Черезъ короткое время, не достигши еще двадцатипятилѣтняго возраста, онъ былъ назначенъ профессоромъ высшей математики артиллерійской академіи.

Такимъ образомъ, предъ нимъ открывалась блестящая карьера, прямой и вѣрный путь къ достиженію высшихъ ступеней по лѣстницѣ государственныхъ должностей, жалованья и почестей. Ему надо было только держаться индифферентно по отношенію къ хозяйничанью чиновниковъ, полицейскому произволу и абсолютному безправію народа, и цѣликомъ отдаться наукѣ. Но онъ недаромъ, еще будучи мальчикомъ, впиталъ въ себя идеи Фурье и великой французской революціи.

Сердце и разсудокъ противились такому индифферентизму, хотя бы и подъ маской преданности наукѣ.

И Лавровъ уже въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ сочиняетъ революціонные стихи, осуждающіе абсолютизмъ и прославляющіе политическую свободу. Вмѣстѣ съ письмомъ онъ отправилъ ихъ за границу къ Гер-

цену, знаменитому и страшному редактору «Колокола». Само собою разумѣется, что этотъ шагъ имѣлъ бы для него очень плохія послѣдствія, если бы о немъ узнало правительство. Къ счастью, этого не случилось.

Къ тому же времени онъ опубликовалъ одну работу о гегелевской философіи, обратившую вниманіе научныхъ и литературныхъ круговъ. Въ 1860 г. вышелъ въ свѣтъ его этюдъ объ этическомъ и историческомъ значеніи человѣческой индивидуальности. Въ это же время большой шумъ возбудили три его лекціи о значеніи философіи. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ главнымъ редакторомъ русской энциклопедіи. Рядъ его статей о философіи, исторіи и, особенно, церковной исторіи, напечатанныхъ въ ней, возбудилъ противъ него глубокую ненависть духовенства, которое доносило на него правительству и очень желало бы, чтобы онъ тогда уже былъ сосланъ въ Сибирь или даже на каторжныя работы.

Отъ яростнаго преслѣдованія духовенства онъ едва спасся; но скоро и правительство почувствовало въ немъ непримиримаго врага и стало думать о томъ, какъ бы его обезвредить. И въ самомъ дѣлѣ, политика такъ называемаго царя-освободителя толкала его все болѣе влѣво. Въ 1862 г. онъ даже сталъ членомъ тайнаго общества „Земля и Воля“ и вступилъ въ тѣсную связь съ знаменитымъ ученымъ и революціоннымъ мыслителемъ, Чернышевскимъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что изъ-за своихъ симпатій къ полякамъ во время польскаго возстанія онъ заслужилъ себѣ упрекъ въ государственной измѣнѣ отъ одного своего высокопоставленнаго и вліятельнаго родственника.

Но слуги и палачи реакціи ничего объ этомъ не

узнавали, и такимъ образомъ ему удалось избѣгнуть трагической судьбы Чернышевскаго.

Правительству пришлось немного потерпѣть, пока не нашлось благовиднаго предлога для его преслѣдованія. И этотъ предлогъ былъ найденъ въ покушеніи Каракозова на Александра II, 4 апрѣля 1866 года. Теперь и для Лаврова началось время преслѣдованій.

Его арестовали, держали девять мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи — и все же не сумѣли найти необходимыхъ уликъ, чтобы и его, какъ Чернышевскаго, осудить на каторжныя работы. Военный судъ вынужденъ былъ довольствоваться ссылкой его подъ надзоръ полиціи въ самый глухой уголъ вологодской губерніи за предѣлы всякой, даже русской, цивилизаціи. Правительство надѣялось такимъ образомъ сломить его духъ, поколебать его оппозиціонный образъ мыслей. Но оно достигло лишь противоположнаго результата: изъ революціонера наполовину онъ окончательно укрѣпился въ своемъ революціонномъ образѣ мыслей, твердо рѣшившись сжечь за собой всѣ корабли, отрѣзать себѣ всякое отступленіе въ лагерь сытыхъ и довольныхъ.

Въ ссылкѣ онъ написалъ свои знаменитыя „Историческія письма“, составляющія поворотный моментъ въ его общественной дѣятельности. Въ этихъ письмахъ его соціалистическій и революціонный образъ мыслей отразился такъ ясно, какъ это только возможно было въ легальномъ русскомъ произведеніи. „Письма“ завоевали ему сердца радикальной молодежи, увидѣвшей въ немъ своего учителя и знаменоносца.

Извѣстно, что въ 1873 году ему было предложено редактированіе революціоннаго журнала «Впередъ».

Но раньше его, разумѣется, необходимо было освободить изъ ссылки и помочь ему спастись за границу. Эту задачу взялъ на себя Германъ Лопатинъ, извѣстный революціонеръ, прославившійся своимъ мужествомъ и неустрашимостью, ставшій позже другомъ и любимцемъ Маркса и Энгельса, а теперь уже шестнадцать лѣтъ заживо похороненный въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ 1870 г. Лопатинъ помогъ Лаврову бѣжать за границу, въ Парижъ. Тамъ Лавровъ познакомился съ знаменитымъ Варленомъ и сталъ членомъ Интернаціоналя. Во время парижской коммуны (1871 г.) онъ предлагалъ революціонному парижскому правительству свои услуги для преобразованія школьнаго дѣла. Потомъ онъ отправился въ Лондонъ, чтобы вступить съ Генеральнымъ Совѣтомъ Интернаціонала въ связь въ цѣляхъ поддержки пролетарскаго революціоннаго возстанія. Само собой понятно, что въ Лондонѣ онъ ближе познакомился съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Съ редактированіемъ «Впередъ» съ 1873 г. начинается новая эпоха въ литературной дѣятельности Лаврова, эпоха послѣдовательнаго, рѣшительнаго примѣненія и проведенія идей и принциповъ, изложенныхъ имъ подъ полицейскимъ надзоромъ въ его «Историческихъ письмахъ». Свободный отъ оковъ отечественной цензуры, онъ отнынѣ открыто выступаетъ защитникомъ соціалистически-революціонной программы, построенной отчасти на воззрѣніяхъ Герцена и Бакунина, отчасти на теоріяхъ Маркса и Энгельса.

Пропагандистская же дѣятельность его вся была проникнута и вдохновлялась тѣми идеями, которыя

онъ изложилъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ» и которыя чрезвычайно глубоко и непосредственно вліяли на учащуюся молодежь. Это именно тѣ идеи, благодаря которымъ онъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ изъ нашихъ самыхъ выдающихся писателей, былъ учителемъ революціонной молодежи Россіи въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Каковы же эти идеи? Почему же онѣ дѣйствовали такимъ воодушевляющимъ и вдохновляющимъ образомъ на многія поколѣнія?—Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо имѣть въ виду два обстоятельства.

Во-первыхъ, ко времени опубликованія упомянутыхъ писемъ современный крупный капитализмъ находился въ Россіи еще въ зародышевомъ состояніи. Поэтому, у насъ тогда еще не было многочисленнаго рабочаго класса съ самостоятельными интересами и стремленіями, слѣдовательно, не было еще почвы для самостоятельнаго пролетарски-революціоннаго движенія.

Во-вторыхъ, подъ могучимъ вліяніемъ пораженій, понесенныхъ въ крымской войнѣ, и освобожденія крестьянъ Россія переживала тогда процессъ внутренняго броженія, особенно характеризовавшійся недовольствомъ широкихъ слоевъ сельскаго населенія и идеологическихъ круговъ учащейся молодежи. Но о самостоятельномъ возмущеніи угнетенныхъ и невѣжественныхъ крестьянскихъ массъ не могло быть и рѣчи. Очагъ революціонныхъ стремленій и цѣлей составляли именно интеллигентные круги. Но ихъ сознательно революціонные, жаждущіе дѣла представители были слишкомъ малочисленны, чтобы рѣшиться на открытую борьбу съ существующимъ порядкомъ. Тогдашнихъ

революціонныхъ силъ не хватало даже для организаціи успѣшной и мирной пропаганды среди народныхъ массъ. Надо было поэтому прежде всего позаботиться о томъ, чтобы число революціонеровъ и друзей народа изъ интеллигенціи постоянно возрастало, чтобы она стала въ извѣстномъ смыслѣ постояннымъ разсадникомъ смѣлыхъ и мужественныхъ революціонныхъ борцовъ.

А возможность для этого существовала, ибо и масса демократической интеллигенціи плохо себя чувствовала въ оковахъ абсолютизма, гнетъ котораго становился тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ быстрѣе и интенсивнѣе совершалось побѣдное шествіе первоначальнаго накопленія. Но отъ чувства неудобства и даже недовольства до рѣшенія бороться съ существующими властями еще очень далеко. И отъ такого рѣшенія учащагося юношу легко отклонить соображеніями о хорошей карьерѣ, перспективами на хорошую государственную должность или какое-нибудь общественное положеніе, наконецъ, уговариваніями и вліяніемъ родителей, родственниковъ и т. д., а тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о соціализмѣ, о пропагандѣ и агитаціи въ народныхъ массахъ.

Въ томъ же антиреволюціонномъ направленіи дѣйствовали нѣкоторыя теоріи о человѣческомъ прогрессѣ, вселявшія индифферентизмъ по отношенію къ существующему злу и несправедливостямъ. Представители почтеннаго трезвеннаго либерализма проповѣдывали свою теорію органическаго прогресса, медленнаго черепашьяго хода развитія, которое само собой постепенно приведетъ къ полному улучшенію существующихъ отношеній. А господа ученые и профессора проповѣдывали молодежи всемогущество науки, кото-

рая сама по себѣ, благодаря занятіямъ ученыхъ спеціалистовъ, постепенно улучшитъ общественныя отношенія. Наконецъ, возникъ третій методъ мирнаго и легальнаго воздѣйствія индивидуума на общество, методъ индивидуальнаго умственнаго и нравственнаго самосовершенствованія.

И все-таки демократическая интеллигенція въ самодержавной Россіи, по своему своеобразному положенію, по своимъ потребностямъ, какъ бы предопредѣлена на роль движущей революціонной силы. Но чтобы воспламенить дремлющія въ ней революціонныя страсти, чтобы ея скрытый идеализмъ изъ зародышеваго состоянія превратить въ активную революціонную энергію, мало аппеллировать къ ея собственнымъ соціальнымъ и матеріальнымъ интересамъ, какъ это дѣлается всегда, когда должны быть приведены въ движеніе большія народныя массы, когда онѣ должны выступить на историческую сцену. Прежде всего необходимо было аппеллировать къ чувству справедливости, къ нравственному достоинству, къ умственнымъ и моральнымъ интересамъ и обязанностямъ интеллигенціи. Необходимо было, опираясь на общее положеніе вещей и горячую воспріимчивость учащейся молодежи къ идеальнымъ цѣлямъ, пробудить въ ней чувство отвѣтственности за невыносимыя страданія народныхъ массъ, поднять ихъ идеализмъ на самую высокую ступень и показать ей путь для его проявленія.

Эту задачу и выполнилъ Петръ Лавровъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ». Я не могу, разумѣется, подробно излагать здѣсь оригинальный ходъ мыслей этого необыкновенно интереснаго произведенія. Но, въ

немногихъ словахъ, я хотѣлъ бы обратить Ваше вниманіе на нѣкоторыя его важнѣйшія идеи, оказавшія непосредственное пропагандистское вліяніе. Въ одной главѣ, цѣликомъ посвященной проблемѣ о сущности и результатахъ историческаго прогресса, Лавровъ предлагаетъ слѣдующій масштабъ для оцѣнки этихъ результатовъ [1]): «Развитіе индивидуума въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; воплощеніе истины и справедливости въ общественныхъ учрежденіяхъ—эта формула, думалъ онъ, обнимаетъ все, что есть прогрессъ». И затѣмъ онъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ показываетъ, какъ ничтоженъ, какъ минималенъ прогрессъ, достигнутый до настоящаго времени. Подавляющее большинство человѣчества совершенно лишено возможности пользоваться результатами науки и цивилизаціи. Но и привилегированное меньшинство не можетъ похвастать тѣмъ, что оно пользуется всѣми условіями прогресса, и именно потому не можетъ, что самыя элементарныя, самыя необходимыя изъ этихъ условій недоступны широкимъ народнымъ массамъ. Дѣло въ томъ, что человѣческое общество связано общей неразрушимой солидарностью, пренебреженіе которой тяжело отомщается и на привилегированномъ

[1]) Чтобы понять взглядъ Лаврова на степень и широту распространенія цивилизаціи, надо принять во вниманіе, что въ срединѣ нашего столѣтія образованіе и культуру можно было найти лишь въ рядахъ привилегированныхъ сословій Россіи; они обнимали лишь тонкій слой общества, нація же въ цѣломъ, начиная отъ крестьянъ и кончая сословіемъ горожанъ и купцовъ, находилась въ совершенно безкультурномъ состояніи; она стояла внѣ цивилизаціи.

меньшинствѣ. По этой причинѣ погибли цивилизаціи восточныхъ и иныхъ древнихъ государствъ. Цивилизаціи эти не имѣли почвы въ національной жизни.

Чтобы цивилизація пустила прочные корни, чтобы ея существованіе было продолжительно, она должна опираться на широкій базисъ матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ большихъ народныхъ массъ, постоянно расширяя кругъ тѣхъ, которымъ доступны ея плоды, пока они не станутъ достояніемъ всего человѣчества. Если цивилизованное меньшинство хочетъ обезпечить себѣ культурныя условія своего собственнаго развитія, то нѣтъ для него другого выхода, какъ равномѣрное, справедливое распредѣленіе накопленнаго капитала матеріальнаго благополучія, умственнаго и нравственнаго развитія.

Послѣ этого слѣдуетъ глава подъ заглавіемъ: «Цѣна прогресса». Ничтожно число тѣхъ, которые пользуются плодами цивилизаціи; но и этотъ ничтожный результатъ достигнутаго до настоящаго времени прогресса покупается цѣной безконечныхъ человѣческихъ жертвъ; моря крови были пролиты, безконечныя страданія вынесены были безчисленными поколѣніями, расточена огромная масса труда, чтобы достигнуть этого результата! Еслибы сосчитать тѣ безчисленныя жертвы, которыя падаютъ на каждый индивидуумъ, имѣющій возможность вести хотя бы наполовину человѣческое существованіе, то нѣкоторые наши современники пришли бы въ ужасъ отъ мысли, какое невѣроятное количество крови и труда было потрачено на ихъ развитіе. Но то обстоятельство, что такой подсчетъ невозможенъ, служитъ къ успокоенію ихъ совѣсти.

Отсюда само собою вытекаетъ, что интеллигентные и мыслящіе члены высшихъ сословій несутъ большую отвѣтственность предъ народными массами и обязанность расплатиться по лежащему на нихъ долгу. За грѣхи нашихъ отцовъ мы отвѣтственны постольку, поскольку мы пользуемся результатами этихъ грѣховъ, не давая себѣ труда ихъ искупить. Каждое поколѣніе отвѣтственно предъ своими потомками только въ томъ, что оно могло бы сдѣлать, но не сдѣлало. Теперешнее цивилизованное меньшинство пользуется не только плодами трудовъ, несправедливостей и несказанныхъ страданій, которыя пришлось вынести подавляющему большинству нашихъ предковъ, но и трудами и муками своихъ современниковъ; но этимъ самымъ оно содѣйствуетъ ухудшенію судьбы и потомковъ этихъ несчастныхъ.

Какими же путями и средствами располагаетъ наша интеллигенція, чтобы уплатить, по крайней мѣрѣ, маленькую частицу той цѣны, которой стоило ихъ умственное развитіе угнетаемымъ и эксплоатируемымъ массамъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Лавровъ рѣзко критикуетъ упомянутыя раньше антиреволюціонныя теоріи. Въ противоположность защитникамъ теоріи такъ называемаго органическаго историческаго развитія, оспаривающей за индивидуумомъ какую бы то ни было возможность повліять на человѣческія судьбы, онъ выдвигаетъ на передній планъ значеніе личности, ея интеллигентности, ея воли, какъ необходимаго историческаго рычага. Проповѣдникамъ личнаго самосовершенствованія онъ возражаетъ, что здѣсь лежитъ

внутреннее противорѣчіе. Тотъ индивидуумъ, который въ состояніи равнодушно относиться къ соціальному злу, ни къ чему иному не способенъ въ своей оторванности отъ реальной жизни, какъ къ развитію нѣкоторой кажущейся способности мышленія, къ накопленію схоластическихъ безплодныхъ правилъ или къ мистическому самопревознесенію. Умственное и нравственное развитіе человѣка можетъ совершаться лишь одновременно и путемъ живого участія въ реальной борьбѣ противъ существующихъ зла и несправедливостей. Самообразованіе и энергичное участіе въ борьбѣ за справедливое распредѣленіе благъ цивилизаціи—для Лаврова лишь два момента, взаимно-обусловливающіе и дополняющіе другъ друга.

Индивидуумъ долженъ прежде всего вести строгую самокритику; онъ долженъ оцѣнить свои силы и способности, чтобы выбрать себѣ самое подходящее поле дѣятельности. Но, съ другой стороны, практика сама даетъ возможность упражненія и опытъ, необходимые для познанія задачъ и оцѣнки своихъ собственныхъ силъ. Въ борьбѣ ростутъ силы, закаляется энергія, расширяются задачи и развиваются способности для борьбы за ихъ осуществленіе.

Этимъ я закончу свое краткое изложеніе существенныхъ мыслей «Историческихъ писемъ». Кончая эти письма, Лавровъ выражаетъ надежду, что среди его читателей найдутся такіе, которые воодушевятся его идеями и сочтутъ своею обязанностью составить группу борцовъ противъ лжи и несправедливости. И если найдется хотя нѣсколько такихъ читателей, то у автора будетъ сознаніе, что онъ не напрасно работалъ надъ своимъ произведеніемъ.

Въ дѣйствительности это скромное желаніе исполнилось скоро съ избыткомъ. Не отдѣльные читатели, а цѣлыя сотни были сильно увлечены «Историческими письмами»; не прошло и года послѣ ихъ появленія въ свѣтъ, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ начала образовываться та группа борцовъ, на которыхъ покойный возлагалъ всѣ свои гуманитарныя надежды.

Вначалѣ она состояла изъ маленькихъ разбросанныхъ кружковъ студентовъ и образованныхъ дѣвушекъ, которые, совершенно въ духѣ Лаврова, одновременно предавались дѣлу самообразованія и самокритикѣ и занимались пропагандой среди рабочихъ. Наиболѣе опытные представители этихъ кружковъ приняли въ 1872 году рѣшеніе издавать за границей журналъ, который служилъ бы органомъ и путеводителемъ начинавшагося движенія. Когда лѣтомъ 1873 г. появился первый номеръ этого журнала, объемистая книга, то сотни интеллигентныхъ молодыхъ людей были готовы слѣдовать призыву—«въ народъ!» И уже къ концу этого года, но особенно въ теченіе первой половины слѣдующаго, они стали селиться въ деревняхъ въ качествѣ ремесленниковъ, поденщиковъ, сельскихъ учителей, акушерокъ и т. п, чтобы пробуждать народъ изъ его умственной летаргіи. За первыми піонерами скоро послѣдовали новыя толпы образованныхъ юношей, отказавшихся отъ своихъ докторскихъ дипломовъ, отрѣзавшихъ себѣ всякое отступленіе къ спокойной привилегированной жизни; съ такимъ же энтузіазмомъ шли «въ народъ» молодыя интеллигентныя дѣвушки, оставлявшія родительскій домъ, селившіяся въ рабочихъ квартирахъ и работавшія на фабрикахъ.

Русское правительство поторопилось съ свойственной ему жестокостью подавить это движеніе: сотни молодыхъ людей были брошены въ тюрьмы, по три, четыре года ихъ держали въ предварительномъ заключеніи, чтобы въ концѣ концовъ отправить ихъ въ ссылку и на каторжныя работы.

Но правительство обсчиталось. Случилось такъ, какъ покойный предсказалъ въ своихъ письмахъ: въ борьбѣ закаляется воля, развивается энергія, выростаютъ новыя задачи. Мирные пропагандисты, люди, мечтавшіе лишь о народныхъ возстаніяхъ, стали смѣлыми, безстрашными и рѣшительными террористами, наводившими ужасъ на правительство своими геройскими дѣлами, своей несокрушимой энергіей, своей самоотверженностью и презрѣніемъ къ смерти, и державшими весь цивилизованный міръ въ напряженномъ ожиданіи исхода начавшагося поединка.

Извѣстно, что царское правительство, вооруженное всѣми современными боевыми средствами и всѣми орудіями гнета, побѣдило своихъ мужественныхъ, но малочисленныхъ враговъ-революціонеровъ.

Но имя «Народной Воли», имя организаціи павшихъ героевъ все еще внушаетъ дикій страхъ нашему правительству. Въ сознаніи же революціонной молодежи и революціоннаго пролетаріата Россіи это имя вызываетъ удивленіе и пробуждаетъ въ нихъ стремленіе оказаться достойными наслѣдниками завѣщанныхъ народовольцами революціонныхъ традицій.

Въ террористическій періодъ заграничная русская печать отступила на задній планъ. Но когда въ движеніи наступило время относительнаго спокойствія, то

снова выдвинулась потребность въ серьезномъ органѣ. Партія «Народной Воли» основала журналъ: «Вѣстникъ Народной Воли», редактированіе котораго было довѣрено опять-таки Петру Лаврову. Съ того времени онъ остается вѣрнымъ знаменоносцемъ этой партіи.

Въ заключеніе я желалъ бы обратить вниманіе еще на одинъ важный моментъ въ революціонной жизни покойнаго. Я имѣю въ виду его заслуги предъ нашимъ начинающимся рабочимъ движеніемъ.

Прежде всего онъ содѣйствовалъ его развитію тѣмъ, что безъ устали напоминалъ интеллигенціи о ея обязанности нести свои знанія въ народныя массы, развивать въ нихъ сознаніе причинъ ихъ невыносимаго положенія и будить ихъ къ сознательной, организованной борьбѣ противъ существующаго порядка. Подъ вліяніемъ этой пропаганды часть революціонной молодежи посвятила себя революціонизированію городскихъ рабочихъ. Но Лавровъ содѣйствовалъ развитію пропаганды среди рабочихъ и непосредственно, популяризуя для революціонной интеллигенціи нѣкоторые элементы марксизма и ученія соціалъ демократіи.

Пропагандистская дѣятельность Лаврова образуетъ связующее звено между двумя эпохами революціоннаго движенія въ Россіи: между кончающейся эпохой, въ которой единственной носительницей революціонныхъ идей въ Россіи выступала интеллигенція, и начинающейся теперь эпохой, характеризующейся выступленіемъ пролетаріата на революціонную арену. Въ то время, когда Лавровъ началъ свою литературную дѣятельность, слова—народъ и крестьянинъ—были тождественны.

Теперь пролетаріатъ образуетъ на-ряду съ крестьянами самостоятельный классъ народа, однако, не разбросанный по деревнямъ, далеко отъ культуры, но живущій, напротивъ, въ самомъ центрѣ цивилизаціи, концентрированный въ городахъ большими массами.

Лавровъ подготовилъ революціонное движеніе и нашей эпохи. Русскіе соціалъ-демократы считаютъ своей священной обязанностью заботиться о томъ, чтобы сохранить въ сердцахъ рабочихъ память о Лавровѣ. Но мы твердо надѣемся, что имя Лаврова займетъ почетное мѣсто и въ лѣтописяхъ международнаго соціализма.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Серія II:

ассаль Ф. О сущности конституціи. . . . . Ц. — р. 7 к.

ангъ О. Соціализмъ въ Швейцаріи. Пер. подъ ред. и съ предислов. Г. Плеханова . . . . » — » 10 »

голевъ П.—Первый декабристъ В. Раевскій. Изд. II. » — » 30 »

ль Луи. Рабочее законодательство въ странахъ стараго и новаго свѣта. . . . . » — » 30 »

йтлинъ С. Учредительныя и законодат. собранія въ конституціонныхъ государствахъ. . . . . » — » 50 »

ейтлинъ С. Избирательное право въ современныхъ конституц. государствахъ . . . . » — » 20 »

живилеговъ А. Очерки по исторіи Германіи 1806 —1871 гг. . . . . » — » 30 »

ридманъ. Наша финансовая система. . . . . . . » — » 50 »

Ивр..тау. Государственный бюджетъ въ Англіи. . . » — » 20 »

ейгеръ А. Новое ученіе о нравственности . . . . » — » 25 »

Волькенштейнъ О. Какъ и почему возникла Великая французская революція . . . . » — » 20 »

Курчинскій М. Муниципальный соціализмъ. . . . » — » 15 »

Ламмене. Слова вѣрующаго . . . . » — » 20 »

Марксъ К. Революція и контръ-революція . . . . » — » 25 »

Василевскій Л. (Плохоцкій). Современная Польша и ея политическія стремленія . . . . » — » 50 »

Бородинъ Н. Государственная Дума въ цифрахъ . » — » 25 »

Бюиссонъ. Всеобщая стачка. Съ прил. ст. Н. Кудрина. » — » 15 »

Давидъ Э. Завоеваніе политич. власти. Пер. съ нѣм. » — » 15 »

Кейсинъ М. Профессіональные рабочіе союзы . . . » — » 30 »

Бернштейнъ Э. Основы хозяйств. жизни. Пер. съ рукописи . . . . » — » 10 »

Прокоповичъ С. Аграрный вопросъ въ цифрахъ. . » — » 25 »

Тургеневъ, Н. И. Записки изгнанника. . . . . . . » — » 40 »

Лафаргъ П. Собственность и ея происхожденіе. . » — » 50 »

Яновичъ Л. Воспоминанія Шлиссельбуржца . . . » — » 50 »

Серія III:

№ [illegible] Гаршинъ В. М. То, чего не было. Лягушка-путешественница. Сказка о жабѣ и розѣ . . Ц. — р. 3 к.

№ 9. Гаршинъ В. Изъ воспоминаній рядового Иванова. » — » 10 »

№ 10. Нефедовъ Ф. Въ туманѣ . . . . » — » 10 »

№ 11. Каронинъ С. Снизу вверхъ. Исторія одного рабочаго . . . . » — » 35 »

№ 12. Гаршинъ В. Трусъ. . . . . » — » 5 »

№ 13. Нефедовъ Ф. Зигда. Башк. легенда . . . . » — » 3 »

№ 14. Айзманъ Д. Исторія одного преступленія. . » — » 4 »

№ 15. Гаршинъ В. Плѣнница. Attalea princeps . . » — » 2 »

№ 16. Гаршинъ В. Четыре дня . . . . . » — » 3 »

Цѣна 40 коп.

Складъ изданія—книжный магазинъ «ОБЩЕСТВЕН-
НАЯ ПОЛЬЗА» (СПБ., Б. Подъяческая, 39, соб. д.)

Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяч., 39


2007111570